В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ
ДИВИЗИОННОЙ ШКОЛЫ
ПАРТИЙНОГО АКТИВА

ИСТОРИЯ СССР

Проф. Е. А. МОРОХОВЕЦ
Ш. М. ЛЕВИН

БУРЖУАЗНЫЕ РЕФОРМЫ 1860-х ГОДОВ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
Москва — 1947

За нашу Советскую Родину!

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ
ДИВИЗИОННОЙ ШКОЛЫ ПАРТИЙНОГО АКТИВА

ИСТОРИЯ СССР

Проф. Е. А. МОРОХОВЕЦ
Ш. М. ЛЕВИН

БУРЖУАЗНЫЕ РЕФОРМЫ 1860-х годов

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
Москва — 1947

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

1 и 3 главы брошюры написаны Ш. М. Левиным, 2 и 4 главы проф. Е. А. Мороховец. Главы, написанные проф. Е. А. Мороховец печатаются под редакцией Ш. М. Левина

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор Я. М. КАДЕР
Технический редактор Е. Н. ЕРЕМЕЕВА
Корректор В. Т. МАКАРОВ

Г 85332. Подписано к печати 22.5.47. Изд. № 1/787. Объем 5 п. л
Уч.-изд. л. 4,62. В 1 п. л. 38 000 тип. зн. Зак. 42.

4-я типография Военного Издательства МВС СССР.

1. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 50-х ГОДОВ. НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

Кризис крепостного строя. Середина XIX века в истории России ознаменована важнейшими социально-экономическими сдвигами. К этому времени относится отмена крепостного права, или так называемая крестьянская реформа. Эта реформа является крупнейшим этапом на пути превращения феодально-крепостнической России в Россию буржуазно-капиталистическую.

Весь ход экономического развития толкал Россию к уничтожению крепостного права, которое с течением времени всё более тормозило хозяйственное, политическое и культурное развитие страны. Еще задолго до крестьянской реформы начался процесс вытеснения натурального хозяйства товарно-денежным. В стране увеличивался объём внутренней и внешней торговли, росли города, расширялась, хотя в целом и недостаточно, промышленность, росло применение в ней машин, и всё больше увеличивалось число занятых в промышленности вольнонаёмных рабочих. Крепостное помещичье хозяйство вошло в полосу кризиса. Всё труднее становилось ему приспосабливаться к изменившимся условиям экономической жизни.

Однако переход от феодально-крепостного строя к капиталистическому (как и вообще переход от старых, отживающих общественно-экономических отношений к новым) не мог совершиться лишь в результате давления экономических сил, без властного вмешательства классовой борьбы. Кризис крепостного строя и подготовка его крушения выразились в обострении столкновений общественных сил и прежде всего в росте борьбы крестьянства против крепостничества.

Крестьянство — класс, наиболее заинтересованный в уничтожении феодально-крепостного строя. Крестьянство никогда не мирилось с помещичьей кабалой. «Когда было крепостное право, — писал Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское пра-

вительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли» (Соч., т. V, стр. 311).

Последние десятилетия перед отменой крепостного права отмечены усилением крестьянских волнений. Они явились результатом резко ухудшившегося положения крестьянства. Развитие денежного хозяйства вызвало стремление помещиков производить больше продуктов для продажи внутри страны или за границей. Расширялась барская, помещичья запашка. К половине XIX века большая часть крестьянских земель оказалась под помещичьей запашкой. В черноземных губерниях у барщинных [1] крестьян оставалось только около половины земли. Даже оброчные [2] крестьяне нечерноземных губерний потеряли постепенно до $^1/_5$ части земли, ранее находившейся в крестьянском пользовании. Наряду с этим в нечерноземных губерниях происходило неуклонное повышение размеров оброка.

Обезземеление крестьян, их принуждённость больше времени работать на барских полях и отдавать помещикам значительно большую долю своих внеземледельческих заработков влекли за собой усилившееся обнищание крестьянской массы. Это в свою очередь вызывало оживление борьбы против крепостного гнёта.

Показательны данные о числе крестьянских волнений в царствование Николая I. За девять лет, с 1826 по 1834 г., известно 148 волнений, за десятилетие 1835—1844 гг. — 216, за десятилетие 1845—1854 гг. — не менее 348 волнений. Крестьянские волнения часто сопровождались расправой с помещиками. Историк и публицист Погодин в 50-х годах писал: «Не убивают ли ежегодно до тридцати помещиков — искупительные жертвы за право тиранства остальных? Ведь это всё местные революции, которым недостаёт только связи, чтобы получить значение особого рода».

Таким образом, не только естественный ход экономического развития, но и всё возрастающая революционная

---

[1] Барщинные крестьяне — крепостные крестьяне, несшие барщинную повинность, т. е. обязанные безвозмездно несколько дней в неделю работать в хозяйстве помещика. Число барщинных дней доходило иногда до 6 в неделю.

[2] Оброк — принудительная повинность деньгами или продуктами, взимавшаяся помещиками с крепостных крестьян. Денежный оброк платили помещику крестьяне, занимавшиеся промыслами и отпущенные в город на заработки и т. д. Оброк преобладал в нечерноземных великорусских губерниях.

борьба закрепощённого крестьянства подтачивали существующий феодально-крепостнический строй и с неодолимой силой подготовляли его ликвидацию.

Отмена крепостного права совершилась отнюдь не в мирной обстановке, а в условиях обострённой классовой борьбы, таившей в себе возможность революционного потрясения. Ленин характеризовал эту обстановку как **революционную ситуацию.**

Определение понятия революционной ситуации дано Лениным в статье «Крах II Интернационала» (1915 г.): «...революция невозможна без революционной ситуации, при чем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизмененном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, **так и самими «верхами»,** к самостоятельному историческому выступлению» (Соч., т. XVIII, стр. 244).

Положение, сложившееся в России в 1859—1861 гг., Ленин считал одним из исторических примеров революционной ситуации, хотя и не приведшей к революции.

Ленин точно указал на ряд конкретных обстоятельств, из которых складывалась революционная ситуация на рубеже 50—60-х годов: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола»[1], могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих **революционеров,** появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с

---

[1] «Колокол» — журнал, издававшийся А. И. Герценом в Лондоне и в Женеве (с 1857 по 1867 г.). На страницах «Колокола» Герцен призывал к борьбе против крепостничества и самодержавия. — Ред.

пролитием крови **заставлять** принять «Положение» [1], обдирающее их как липку, коллективные отказы дворян-мировых посредников применять **такое** «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной» (Соч., т. IV, стр. 126).

Влияние неудачи Крымской войны [2]. Исходным моментом общественного возбуждения явилась Крымская война, в которой царская Россия потерпела серьёзное поражение. Эта война с предельной ясностью вскрыла технико-экономическую и политическую отсталость России. Общественное мнение справедливо считало причиной поражения в Крымской войне крепостное право и режим царского полицейского самовластия. А. И. Герцен еще в начале войны говорил, что Россия сильна, но императорская власть «не может вызвать этой силы»: она «выродилась и негодна больше». «Мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием», — писал славянофил Юрий Самарин. Пораженческие настроения передовых представителей общественного движения характерны для кануна революционной ситуации: ожидали, что военное поражение крепостнической монархии послужит толчком к пробуждению общественной активности и вместе с тем значительно ослабит силу сопротивления царизма внутри страны. Война, действительно, во много раз увеличила число недовольных и содействовала развязыванию оппозиционного и революционного движения. Даже в очень умеренных кругах стало популярным требование «гласности», под которой разумелась хотя бы ограниченная свобода печати, требование развития грамотности и просвещения, улучшения администрации и суда, борьбы со злоупотреблениями и произволом начальства. Всё шире стало распространяться убеждение в необходимости покончить в кратчайший срок с крепостным правом. Показательно, что с требованием реформ выступил даже реакционный историк М. П. Погодин. Во время Крымской войны из-под его пера вышел ряд «политических писем» с обличением внутренних зол и требованием гласности, уважения к общественному мнению, поощрения технического прогресса, а также с указа-

---

[1] Здесь имеется в виду так называемое «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», подписанное Александром II 19 февраля 1861 г. — Ред.

[2] Крымская война 1853—1856 гг. шла между царской Россией и коалицией четырёх держав: Англии, Франции, Турции и Сардинии.

нием на тяжёлое положение крестьянства, угрожающее общественному «спокойствию». В общем хоре критиков стали раздаваться даже голоса отдельных видных бюрократов и сановников, например курляндского губернатора, позже министра внутренних дел П. А. Валуева, определившего положение государственного управления такими словами: «сверху — блеск, внизу — гниль».

Поражение царской России в Крымской войне ускорило ликвидацию крепостничества. Вскрыв гнилость и бессилие крепостнической России, Крымская война вызвала в стране серьёзный внутренний кризис. Сильное возбуждение охватило и массы народа и привилегированные верхи русского общества. Самодержавное правительство было поколеблено в своей прежней твёрдости и устойчивости. В России складывалась обстановка, чреватая возможностью больших революционных потрясений.

Крестьянское движение накануне реформы. Крымская война чрезвычайно усилила брожение в крестьянских массах. Любое событие — какой-либо новый указ, приезд царя в Москву, речь беглого солдата — всё служило поводом к оживлению толков о приближении «воли». Бедствия и страдания крестьян, которые ещё раньше увеличились в связи с разложением крепостного хозяйства и усилением эксплоатации, весьма обострились во время войны. Крестьянские хозяйства приходили в упадок, семьи крестьян с уходом кормильцев часто обрекались на нищету и голод.

Обращения царя ко всем сословиям, в которых призывалось жертвовать на «алтарь отечества» и объявлялось о наборах ополченцев, пробуждали в крестьянстве надежды, что участием в войне оно купит себе свободу. В апреле 1854 г. вышел указ о наборе в морское ополчение. Набор производился с целью формирования гребной флотилии для обороны Балтийского побережья. Указ распространялся только на четыре ближайшие к Балтийскому морю губернии — Петербургскую, Олонецкую, Тверскую и Новгородскую. От крепостных крестьян при записи в ополчение требовалось разрешение со стороны помещиков. В крестьянстве прошёл слух о том, что вступление в ополчение освободит ополченцев и их семьи от крепостной зависимости. На этой почве возникли волнения, распространившиеся даже на Рязанскую, Тамбовскую, Владимирскую и другие внутренние губернии. Движение было прекращено военной силой. В 1855 г. в связи с призывом общегосударственного ополчения волнения крестьян приняли ещё более грозные размеры. Особенно острый характер они получили на Украине — в

Киевской губернии, где ненависть к польским панам-помещикам и воспоминания о казачестве придали крестьянским волнениям ещё более острую форму. В народе заговорили о существовании скрываемого панами и попами указа, по которому якобы все крестьяне призываются в казаки и освобождаются от крепостной неволи и им передаются в собственность земля и имущество помещиков. Крестьяне отказывались от работы на господ, устанавливали собственное самоуправление и в ряде случаев оказывали вооружённое сопротивление войскам, посланным для усмирения волнений. В результате столкновений с властями насчитывались десятки убитых и раненых крестьян. В великороссийских губерниях движение 1855 г. выразилось в массовом бегстве крепостных в города, где они требовали, чтобы их зачислили в общегосударственное ополчение. Наибольшим упорством отличались волнения в Воронежской губернии, где также произошли столкновения с войсками.

В 1856 г. крестьянское движение проявилось в новой форме самовольного ухода многих тысяч крепостных — главным образом украинских крестьян Херсонской и Екатеринославской губерний — на Крымский полуостров. Толчком к этому движению послужили слухи, что в Крыму крестьяне получают волю. По одной версии волю эту давал царь, сидевший в золотой палате на Перекопе, по другой — свободу крестьянам давали англичане и французы. Предводитель дворянства Херсонской губернии доказывал крестьянам, что царь не издавал указа о переселении в Крым. «Да на что нам царь, — отвечали они, — пройдём в Крым, мы выберем себе короля; а пока найдём короля, изберём себе атамана, и тогда увидите, что вы с нами сделаете». Правительство двинуло крупные военные силы, чтобы подавить движение.

Следствием военных событий явилось и восстание в Мингрелии (Грузия) в 1857 г. Во время Крымской войны Мингрелия стала театром военных действий и подверглась разорению со стороны турецкой армии. По окончании войны помещики, стремясь поправить свои дела за счёт крестьян, резко усилили их эксплоатацию. Волнения начались в январе 1857 г. и к маю приняли характер общего восстания крепостного крестьянства Мингрелии. Отряды повстанцев насчитывали более 10 тыс. человек. Крестьяне не выполняли никаких повинностей помещикам. Они расправлялись со священниками, пытавшимися остановить движение. Крестьяне требовали упразднения княжеского и дворянского сословий и установления мер против роскоши и чрезмер-

ных торговых барышей. Основной целью восставших было полное освобождение из-под помещичьей власти. При активном вмешательстве царской администрации господство местных крепостников было восстановлено, а наиболее видные участники движения были сосланы в арестантские роты.

Крестьянские волнения в военные годы оказали сильное влияние на решение правительства поставить в порядок дня отмену крепостного права. Но подготовка реформы — обнародование царских рескриптов в 1857 г. (см. следующую главу) — отнюдь не прекратила, как это утверждают либерально-буржуазные историки, крестьянского движения. В 1858 г. 3-м отделением было зарегистрировано 86 волнений, в 1859 г. — 90, в 1860 г. — 108. Классовая борьба между крестьянством и помещиками накануне реформы достигла большой остроты. Недаром поэт Тютчев, по поводу положения в деревне, в 1858 г. писал: «Теперь уже под ногами (у помещиков. — *Ред.*) не прежняя твёрдая и непоколебимая почва и... в одно прекрасное утро можно проснуться на оторванной от берега льдине».

Волнения помещичьих крестьян встречали сочувственный отклик среди государственных крестьян, которые иной раз выступали в роли «подстрекателей». Большое возбуждение среди крестьян наблюдалось не только в центральных губерниях России, но и в национальных районах. Например, в 1858 г. довольно тревожное положение создалось в Эстляндии, где в связи с опубликованием нового положения для местного крестьянства возникли серьёзные волнения. В одной из вооружённых стычек крестьян с войсками был убит командир полуроты, ранены штаб-офицер и 13 солдат. Крестьянские волнения здесь, как и повсеместно, были подавлены жестокими мерами.

В 1859 г. вспыхнуло движение против питейных откупов, охватившее значительную часть России. Увеличение откупщиками цен на вино при очень плохом его качестве и общий рост дороговизны вызвали массовое движение бойкота спиртных напитков. Впервые это движение обнаружилось еще в 1858 г. в литовско-белорусских губерниях (Ковенской, Виленской и Гродненской). В 1859 г. движение против питейных откупов приняло значительные размеры, сначала в Саратовской, потом в Рязанской, Тульской, Калужской губерниях, во многих губерниях Поволжья, промышленного центра и Украины. Крестьяне на мирских сходках составляли приговоры об отказе от вина, назначали денежные штрафы и даже телесные наказания тем, кто нарушит от-

каз. В течение нескольких месяцев в 12 губерниях было разбито 220 «питейных заведений». Беспорядки в большинстве случаев подавлялись при помощи воинских частей; были арестованы тысячи крестьян.

Движение против питейных откупов остановило на себе внимание революционной публицистики. Добролюбов посвятил ему специальную статью «Народное дело», в которой утверждал, что это движение «доказывает способность народа к противодействию незаконным притеснениям и к единодушию в действиях». Пример движения 1859 г. укреплял Добролюбова и других представителей революционно-демократической интеллигенции в их вере в народ.

Крестьянское движение, развернувшееся накануне реформы, не переросло в революцию. По этому поводу Ленин писал: «...народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу» (Соч., т. XV, стр. 108). Рабочий класс в России в ту пору еще только зарождался, следовательно, не было той передовой революционной силы, которая могла бы внести в движение элементы организованности и политической сознательности и повести массы крестьянства за собой на штурм самодержавия и крепостничества. «...Революционного класса среди угнетенных масс вовсе еще не было» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 142).

Тем не менее массовая крестьянская борьба накануне реформы имела важное историческое значение. Ликвидация крепостничества в России была неизбежна. Но путь буржуазного развития в России мог быть двояким. Один путь открывала победившая буржуазно-демократическая революция, другой — реформы, произведенные самодержавием и помещиками. Развитие капитализма в сельском хозяйстве возможно было на почве, очищенной революцией от всех крепостнических пережитков. Но капитализм мог развиваться и в результате реформ, без революционного потрясения крепостнического государства и землевладения, — это был путь мучительно медленного капиталистического преобразования помещичьих хозяйств, использующих крепостнические пережитки, высасывающих соки из полузакрепощенных разоряющихся деревень. Эти два способа развития капитализма Ленин называл путём американского и путём прусского типа. «В экономической истории России, — писал Ленин, — совершенно явственно обнаруживаются оба эти типа эволюции. Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали

условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий[1], уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения» (Соч., т. XI, стр. 349). Борьба крестьян перед реформой была объективно борьбой за американский путь развития. Уничтожение помещичьих хозяйств и превращение патриархального крестьянина в свободного буржуазного фермера обеспечили бы наиболее широкое и быстрое развитие капитализма в России. Ленин указывал, что этот путь капиталистического развития мог быть обеспечен только в результате победы буржуазной революции и установления республики. Он был наиболее выгоден и для самих крестьян и для развивавшегося после реформы пролетариата, который, по словам Ленина, знал, что «...нет и быть не может иного пути к социализму, как через буржуазно-демократический переворот» (там же, стр. 252). Борьба за американский путь, за полную ликвидацию старого порядка, являлась поэтому в период кануна реформы 1861 г., как и в последующие десятилетия, важнейшей задачей демократического лагеря в России.

Революционные демократы. Чернышевский, Добролюбов, Герцен. Борьбу против крепостничества, во имя интересов крестьянской массы (хотя и вне прямой, организационной связи с нею) вела революционно-демократическая интеллигенция. В середине XIX в. в развитии освободительного движения в России совершилась важная перемена. В конце XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. представителями освободительных идей в русском обществе являлись преимущественно образованные передовые дворяне. По мере разложения крепостного уклада и постепенного развития новых форм хозяйственной и общественной жизни страны происходил и рост недворянской, так называемой разночинной интеллигенции. Разночинная интеллигенция всё смелее выходила на передний план культурной и политической жизни России. Уже В. Г. Белинский, как указывает Ленин, был предшественником «полного вытеснения дворян разно-

[1] Латифундия — латинское слово, означающее обширное землевладение (поместье). — Ред.

чинцами в нашем освободительном движении» (Соч., т. XVII, стр. 341). В период подготовки и проведения реформ 60-х годов «разночинец» стал руководящей силой передового культурного и революционного движения в России. Разночинная интеллигенция пополнялась выходцами из духовенства, низшего чиновничества, мещанства и купечества, из разорившейся части дворянства, а иногда и из крестьянства. Разночинцы и по положению и по духу ближе стояли к народу и понимали его интересы и чаяния гораздо вернее, чем прежние дворянские революционеры и либералы. Один из видных учёных и публицистов демократического лагеря 60-х годов, А. П. Щапов, сравнивая разночинцев и образованных дворян, писал, что у дворянской интеллигенции «далеко не так живо бьётся пульс крови народной, далеко не так горяча симпатия к простому, рабочему народу, далеко не сродно так чутьё и понимание интересов и потребностей рабочего народа», как у разночинцев.

Во главе молодого поколения разночинно-демократической интеллигенции 50—60-х годов стояли великие русские писатели-революционеры, славные просветители русского общества Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. В их руках находился журнал «Современник», издававшийся гениальным поэтом-демократом Некрасовым. Деятельное участие в журнале принимал ряд талантливых демократических литераторов — Антонович, Елисеев, Михайлов и др.

Чернышевский оставил глубокий след в развитии русской философии, экономической и исторической науки, литературы, критики. Вслед за Белинским и Герценом он развивал материалистическую и диалектическую основу русской передовой научно-философской мысли. Чернышевский создал оригинальную экономическую систему, исходившую из интересов трудящихся. В исторической науке Чернышевский, не будучи ещё в состоянии преодолеть господствовавших в его время идеалистических представлений о ходе развития человеческого общества, высказал однако замечательные догадки материалистического характера. В них он в ряде случаев приблизился к теории исторического материализма. Чернышевский неустанно вёл борьбу за высокую идейность, реализм и народность литературы и искусства. Он выступал против теорий «искусства для искусства», «чистого искусства».

Добролюбов, великий русский критик и публицист, по всем вопросам теории и практики являлся ближайшим единомышленником и соратником Чернышевского. Интересы науки и литературы, проблемы философии в глазах Чернышев-

ского и Добролюбова были неразрывно связаны с политическими интересами, с борьбой за свободу и благосостояние народных масс, за процветание родины. Этой задаче Чернышевский, Добролюбов, а также их лучшие ученики и последователи подчинили всю свою деятельность. Чернышевский был не только гениальным учёным, но и идейным вдохновителем и вождём всего революционно-демократического лагеря его времени.

Чернышевский и Добролюбов были глубоко убеждёнными сторонниками социализма. Хотя их социалистические взгляды и носили на себе печать утопического социализма [1], оба они превосходили большинство утопических социалистов в том отношении, что видели единственный действительный путь к осуществлению социализма в революционной борьбе. Они стояли за путь активного революционного вмешательства масс в исторические события. Возлагая утопические надежды на русскую крестьянскую общину, мечтая, как указывал Ленин, «о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину» (Соч., т. XV, стр. 144), Чернышевский всегда считал, что община выполнит свою роль только тогда, когда крестьяне будут наделены достаточным количеством земли. В конечном счёте он решающее значение придавал именно борьбе за право народа на землю и за истинную свободу. Чернышевский, по словам Ленина, был не только социалистом-утопистом: «Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (Соч., т. XV, стр. 144). Беззаветно и последовательно отстаивая интересы народа, Чернышевский и Добролюбов беспощадно разоблачали всё то, что было препятствием на их пути. В подцензурных статьях они умело распространяли мысль о спасительности революционного выхода из переживавшегося Россией кризиса. Вскрывая всяческие иллюзии насчёт возможности и целесообразности мирного, компромиссного решения поставленных историей задач, Черны-

[1] Утопический — значит несбыточный, фантастический. Утопический социализм — теория общественного устройства, созданная французскими социалистами Сен-Симоном, Фурье и др. (начало XIX в.). Это течение возникло в первый период борьбы между пролетариатом и буржуазией. Утопический социализм проклинал капиталистическое общество, мечтал о его уничтожении, но «...не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества» (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 352).

шевский и Добролюбов боролись с пропагандой либералов, сеявших подобные иллюзии.

Революционная ситуация, сложившаяся в России после Крымской войны, в годы подготовки и осуществления отмены крепостного права, не привела к революции. Чернышевскому, Добролюбову и их сподвижникам не пришлось участвовать в открытых революционных действиях. Однако их огромная теоретическая и пропагандистская работа имела неоценимое значение в деле формирования мировоззрения передовой, демократической части русского общества. Без этого не могла бы развернуться последующая революционная борьба против самодержавия и всех остатков крепостничества. Ленин называл Чернышевского, как и других великих русских демократов XIX в., предшественниками русской революционной социал-демократии.

«Современник», журнал Чернышевского, Добролюбова и Некрасова, был одним из главных идейно-политических центров русской революционной демократии в период подготовки и проведения крестьянской реформы. Вторым центром пропаганды демократических и революционных идей был «Колокол» (вместе с «Полярной звездой») А. И. Герцена, издававшийся за границей[1].

«Колокол» вёл борьбу за полное раскрепощение крестьян и передачу им земли, за освобождение России от оков самодержавного режима. Большую популярность и влияние завоевал «Колокол» тем, что в своих статьях систематически обличал тиранство помещиков, злоупотребления и произвол органов царской власти.

Герцен был виднейшим, лучшим представителем прежнего, дворянского поколения революционеров. В последовательности взглядов он уступал революционерам-разночинцам, возглавляемым Чернышевским и Добролюбовым. Герцен проявил чрезмерное доверие к доброй воле нового императора Александра II и слишком дорожил поддержкой, которую ему одно время оказывала часть либералов. Но дороже и ближе всего Герцену всегда оставались интересы народа. Обманувшись в своих надеждах на Александра II, он признался в своём разочаровании и беспрерывно, в блестящих статьях атаковал правительство за его двуличную политику, за возвращение к деспотическим приёмам николаевского царствования, за все и всякие реакционные и антинародные действия.

Крепостнический характер крестьянской реформы «Колокол» Герцена обличал с такой же энергией и страстно-

[1] «Полярная звезда» была основана в 1855 г., «Колокол» — в 1857 г.

стью, как это делал Чернышевский и его товарищи. «...Справедливость требует сказать, — писал Ленин, — что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх... Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его **в 60-х** — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции» (Соч., т. XV, стр. 467, 468).

Деятельность Чернышевского и Добролюбова в России, Герцена в эмиграции, работа демократических кругов, которые шли за ними и поддерживали их, имели выдающееся значение в русской политической жизни той эпохи. Ленин недаром отмечал распространение по всей России «Колокола» Герцена и могучую проповедь Чернышевского в числе важнейших показателей революционного кризиса, переживавшегося Россией в конце 50-х и начале 60-х годов.

Либеральное движение. Неудачное течение Крымской войны, негодность правительственной машины, ясно вскрытая войной, грубые ошибки и просчёты царизма в области военной и дипломатической вызывали ропот и осуждение в самых широких и умеренных кругах общества. Господствовавшее в обществе возбуждение благоприятствовало активизации либеральных элементов, в той или иной степени находившихся в оппозиции к режиму Николая I. Либералы стремились к внутренним реформам. Появились записки (рукописные) видных либералов, как, например, Кавелина, Чичерина, содержавшие критику николаевского режима и предложения разных реформ в административном строе. В этих записках поднимался вопрос и о дальнейшем существовании крепостного права. Облегчение цензурных условий (после смерти Николая I) позволило либералам перенести свою пропаганду (правда, в ещё более смягчённом виде) и в легальную журналистику. В 1856 г. появился новый либеральный журнал «Русский Вестник», основанный Катковым, тогда влиятельным представителем умеренного русского либерализма (впоследствии он стал злейшим реакционером и мракобесом). Либералы пытались использовать для пропаганды форму публичных банкетов, они выступали с речами в дворянских собраниях, практиковали подачу «адресов» царю.

Либеральный лагерь не был единым. Наряду с либералами-западниками разных оттенков с некоторыми лозунга-

ми либерального характера (свобода печати, общественного мнения и пр.) выступали в то время и видные славянофилы — братья Аксаковы и др. Общей чертой либерализма всех толков и оттенков была «лойяльность» к царской власти. Они ожидали социально-политических реформ, которые будут осуществлены исключительно «сверху», и резко враждебно относились к революционным методам борьбы. Либералы представляли интересы определенных групп помещиков и буржуазии, крепко связанных с правительством общим страхом перед народом. В обоснование самой своей «оппозиции» они часто приводили заботу о предупреждении волнений и предотвращении революции. Кавелин доказывал, что рекомендуемая им система уничтожения крепостного права на «пятьсот лет» даст России «внутренний мир и возможность правильного, спокойного преуспевания, без скачков и прыжков». «Либералы, — писал Ленин, — хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков» (Соч., т. XV, стр. 144).

Лавирование правительства. Александр II. В описанной обстановке само правительство не считало ни возможным, ни целесообразным сохранение в полной неприкосновенности старого феодально-крепостного порядка николаевского времени. Под влиянием революционной ситуации сам царь, вместе с его аристократически-чиновничьим окружением, стал сознавать невозможность и опасность политики полного сохранения старого строя. Говоря словами Ленина, «верхи не могли жить по-старому». Это выразилось не только в оппозиционных настроениях помещичьего и буржуазного общества, но и в лавировании царской власти. Она добивалась в создавшейся сложной обстановке лишь одного: такой «реформы», которая отвела бы опасность революционного взрыва, но не нарушила бы основ царско-помещичьего всевластия и соблюла бы имущественные и политические интересы помещиков. Вместе с этим необходимо было создать хотя бы некоторую базу для развития производительных сил капитализма.

Уже манифест Александра II о заключении мира после Крымской войны (1856 г.) давал туманное обещание реформ. Манифест заканчивался словами: «Да утверждается и совершенствуется её (России. — *Ред.*) внутреннее благо-

устройство; правда и милость да царствует в судах её; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сению законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных». «Обновлённый» курс выразился в смягчении цензуры; в отмене «контингента» для поступающих в университеты; в разрешении поездок за границу; в возвращении (по манифесту 26 августа 1856 г.) сосланных декабристов и облегчении участи петрашевцев [1]. «Либеральные» шаги царизма чередовались, однако, с реакционными мерами и всевозможными репрессиями. У современников создавалось впечатление двойственности, неискренности власти, стремившейся обмануть общественное мнение маловажными уступками. Об основном политическом вопросе — отмене крепостного права — Александр II публично заговорил в речи к представителям московского дворянства 30 марта 1856 г. Он вынужден был сказать и о главной причине предполагаемой реформы — о страхе перед народной революцией. Он заявил, что лучше освободить крестьян сверху, нежели дожидаться, когда они сами освободят себя снизу.

Александр II вступил на престол уже взрослым, сложившимся человеком: ему шёл 37-й год. Слабый и нерешительный, лишённый серьёзных интересов и предовавшийся удовольствиям, он отнюдь не был подготовлен к роли реформатора. Слезливую сентиментальность он соединял с раздражительной жестокостью. Воспитанный и созревший в атмосфере плац-парадной дисциплины и крепостнической реакции, он был горячим поклонником политической системы своего отца. В частности, в крестьянском вопросе он занимал крайнюю реакционную позицию: в секретных комитетах 40—50-х годов он неизменно выступал против всяких ограничений помещичьих прав. Но назревавшая революционная ситуация заставила его признать необходимость изменения курса правительственной политики.

2. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 года

Подготовка реформы. Из стоящих перед правительством Александра II вопросов самым острым был крестьянский вопрос. Его нужно было немедленно разрешить, иначе ре-

[1] Петрашевцы — революционный кружок разночинной и дворянской молодёжи, образованный в Петербурге в 40-х годах XIX в. вокруг русского социалиста-утописта М. В. Буташевича-Петрашевского. Петрашевцы в 1849 г. были арестованы и приговорены к смертной казни, которая была заменена каторгой и другими наказаниями.

волюционная ситуация грозила перейти в революционный взрыв. Уже через 12 дней после заключения Парижского мира, завершившего Крымскую войну, Александр II, как уже указывалось, в своей речи к представителям московского дворянства заговорил о крестьянской реформе. Тогда он заявил, что лучше освободить крестьян сверху, нежели ждать, когда они сами освободят себя снизу. Уже 3 января 1857 г. состоялось под председательством императора первое заседание нового Секретного комитета по крестьянскому делу, на котором было постановлено «безотлагательно» приступить к разработке плана «постепенного, без крутых и резких поворотов» освобождения крестьян.

Составленный из старых николаевских сановников, в большинстве своём ярых крепостников, Секретный комитет не торопился. Только 26 июля член комитета министр внутренних дел С. С. Ланской представил записку с изложением основных начал предполагаемой реформы. Он предлагал дать крестьянам личную свободу при условии выкупа ими своих усадеб (в рассрочку на 10—15 лет), причём усадьбы предлагалось оценить с учётом вознаграждения помещика за утрату власти над личностью крестьян. Полевая земля оставалась собственностью помещика, но крестьяне сохраняли право пользования ею за плату деньгами или работой; обязательное предоставление крестьянам земли в пользование мотивировалось опасностью обратить миллионы людей в беспризорных бродяг, что угрожало бы «общему спокойствию». Для детальной разработки реформы предлагалось создать дворянские губернские комитеты. Однако комитет признал, что «ныне невозможно приступить к общему освобождению крепостных у нас крестьян», так как это «может поколебать спокойствие и порядок в государстве». Поэтому комитет предполагал пока ограничиться лишь предоставлением помещикам возможности увольнять крестьян по добровольным с ними соглашениям.

Медлительность и нерешительность комитета объяснялись прежде всего опасением возбудить недовольство дворянства. Правительство старалось побудить дворянство проявить в этом деле инициативу. Осенью 1857 г. дворянство литовских губерний в ответ на настояния генерал-губернатора Назимова, грозившего невыгодным для помещиков пересмотром правил об инвентарях[1], заявило о своей готовности совсем освободить крестьян от крепостной за-

[1] «Инвентарями» отчасти регулировались в западных и юго-западных губерниях, где преобладали среди помещиков поляки, повинности крепостных крестьян по отношению к помещикам.

висимости, но при условии сохранения всей земли в руках помещиков. В этом смысле был составлен адрес на имя Александра II. 20 ноября 1857 г. Александр II подписал рескрипт Назимову. В нём он предписал образовать в каждой из трёх литовских губерний губернский комитет из выборных представителей дворянства от каждого уезда с присоединением двух «опытных помещиков» той же губернии по назначению губернатора. При разработке проектов эти губернские комитеты должны были руководствоваться общими положениями, сформулированными Ланским в его записке Секретному комитету от 26 июля. Как об этом уже сообщалось выше, Ланской предлагал дать крестьянам личную свободу при условии выкупа ими своих усадеб. Кроме того, в рескрипте предлагалось, чтобы в руках помещиков была сохранена вотчинная полиция. Этот царский рескрипт был разослан для сведения губернаторам и опубликован в печати. Аналогичный рескрипт был дан 5 декабря петербургскому генерал-губернатору и также опубликован в печати. После этого и дворянству других губерний пришлось «проявить инициативу». К концу 1858 г. губернские комитеты были уже открыты во всех губерниях Европейской России, за исключением Архангельской, в которой не было крепостных крестьян.

Руководство подготовкой реформы было возложено на Главный комитет по крестьянскому делу, который 8 января 1858 г. был образован из прежде созданного Секретного комитета. Главным комитетом была разработана подробная программа занятий губернских комитетов. Предполагалось закончить работу комитетов в шестимесячный срок. Составленные губернскими комитетами проекты реформы должны были направляться для предварительного рассмотрения во вновь учреждённый земский отдел при министерстве внутренних дел. Руководящее значение в земском отделе принадлежало директору хозяйственного департамента министерства внутренних дел Николаю Милютину, назначенному позднее «временно исправляющим должность» товарища министра. Милютин был убеждён в необходимости приспособления социально-политического строя России к потребностям буржуазного развития. Но, будучи сторонником «разумного» абсолютизма, он считал нужным осуществлять намеченные реформы бюрократическим путём и настаивал на административной опеке над крестьянством. Только таким образом он считал возможным предотвратить «анархию» (т. е. революцию) и обеспечить интересы «государства».

Губернские комитеты. В губернских комитетах, хотя и состоящих только из представителей местного дворянства, не было единодушия.

Самыми непримиримыми крепостниками были мелкопоместные дворяне типа гоголевской Коробочки[1], хозяйство которых было очень слабо связано с рынком. Реформа грозила им потерей права распоряжаться личностью крестьянина, а с этим правом были связаны их существенные выгоды. Эта группа была самой многочисленной, но её реальная сила была ничтожна: в руках этой группы помещиков находилось всего 3% крепостных душ. Эта группа не была даже представлена в губернских комитетах.

Не нужна была реформа и тем владельцам оброчных имений[2], которые не вели своего хозяйства; к этой группе принадлежала, между прочим, значительная часть крупной земельной знати, занимавшей высшие государственные посты. Эта группа, состоявшая из ярых крепостников, под давлением революционной ситуации была вынуждена в целях самосохранения признать неизбежность некоторых уступок, но стремилась обеспечить себе возможность получения и впредь феодальной ренты. В этом духе был составлен проект Петербургского комитета, руководимого графом Шуваловым. По этому проекту вся земля оставалась в собственности помещика, крестьянам же предоставлялся надел лишь в бессрочное пользование за повинности; сохранялась и помещичья власть над ними. К петербургскому проекту был близок проект члена Главного комитета князя Гагарина, который предлагал освободить крестьян без полевого надела, с одной лишь усадьбой, причём в руках помещика должна была остаться и полицейская власть над крестьянами. Такого рода «освобождение» привело бы неизбежно к тому, что крестьянин, привязанный усадьбой к месту, но не имевший земли, должен был бы арендовать помещичью землю на каких угодно кабальных условиях, находясь в полной экономической, а отчасти и в юридической зависимости от помещика.

Помещики нечернозёмных промышленных губерний требовали наделения крестьян землёй, так как в этой полосе развитого отхода[3] помещик не имел бы возможности удер-

---

[1] Настасья Петровна Коробочка — мелкопоместная дворянка, вдова коллежского секретаря — один из литературных типов произведения Н. В. Гоголя «Мёртвые души».

[2] Речь здесь идёт об имениях, в которых помещик не вёл своего большого хозяйства, а взимал с крепостных крестьян денежный оброк.

[3] Отхода крестьян на работы в промышленность, на строительства и т. д.

жать обезземеленных крестьян на месте. Для перехода же к капиталистическому хозяйству им важно было получить капитал. Поэтому они стояли за выкуп крестьянского надела. Их интересам отвечал проект тверского губернского предводителя дворянства либерала А. М. Унковского, принятый большинством Тверского губернского комитета. Унковский предлагал совершенно освободить крестьян от помещичьей власти, с «уничтожением всяких взаимных их обязательных отношений», с наделением крестьян землёй в собственность и с выплатой помещику «капитального выкупа деньгами или облигациями», причём за землю крестьяне, «конечно», должны заплатить сами, за личную же свободу помещики должны быть вознаграждены государством. Высокий выкуп вознаградил бы помещиков за потерю дорого стоившей в этом районе рабочей силы и дал бы им в руки капитал, который можно было бы вложить в хозяйство на оставшейся земле.

В основе проекта Унковского лежали принципы, изложенные либералом К. Д. Кавелиным в его обширной записке, написанной еще в 1855 г. и широко распространявшейся в рукописных списках. Эта записка сыграла значительную роль в формировании либерального плана реформы.

Помещики черноземного центра стремились сохранить в своих руках максимальное количество драгоценной для них земли, но в то же время не в их интересах было полное обезземеление крестьян. Им нужно было сохранить крестьянское хозяйство, чтобы иметь возможность вести у себя отработочное хозяйство или хозяйство смешанное, отработочно-капиталистического типа. Их интересам отвечал проект богатого полтавского помещика Позена, принятый Полтавским комитетом. Согласно этому проекту, по истечении переходного периода, определённого точным сроком, вся земля должна быть возвращена крестьянами помещику; в случае же добровольного соглашения с крестьянами помещику должно быть предоставлено право прекратить обязательные отношения и до истечения срока; но правительство должно было обеспечить крестьянам возможность покупки земли в собственность — у своего ли помещика, или у других землевладельцев, или, наконец, у казны. Таким образом, вся сельскохозяйственная площадь имения сохранялась в руках помещика, а крестьянин, купивший клочок земли, в громадном большинстве случаев недостаточный для его обеспечения, оказывался вынужденным работать на помещика на каких угодно кабальных условиях.

Немало сторонников безземельного освобождения было и среди дворянства «западных губерний», т. е. Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. В этих губерниях помещики, побуждаемые благоприятными условиями рынка, усиленно расширяли своё хозяйство за счёт крестьянского надела и еще до реформы успели в значительной мере обезземелить своих крестьян. Помещики этой полосы нередко применяли и вольнонаёмный труд, пользуясь обилием обезземеленных крестьян и дешевизной рабочей силы.

В слабо населённых степных губерниях помещики мечтали о полном переходе от барщины к наёмному труду, но не считали возможным совершить этот переход сразу, боясь остаться без рабочих рук. Интересы степных помещиков выражал самарский помещик славянофил Юрий Самарин. Возражая против осуществления выкупа «немедленно и повсеместно», он настаивал на сохранении барщины в продолжение 10—12 лет, «пока установится само собой равновесие между предложением и запросом на вольный труд». В таком же смысле высказывались губернские комитеты новороссийских[1] губерний, с той, однако, разницей, что они настаивали на возвращении помещику всей земли по истечении временно-обязанного периода, Самарин же высказывался за выкуп крестьянами их надела даже без согласия помещика.

Таковы были преобладающие тенденции в отношении к реформе среди помещиков разных районов. Но помещичьи интересы не вполне совпадали не только в пределах крупных районов, но и в пределах отдельных губерний и даже уездов. Внутри каждого губернского комитета боролись в свою очередь 2—3 группы, а иногда и более.

Но как бы ни были различны интересы помещичьих групп, какого бы ожесточения ни достигала иной раз борьба между ними, всё же это была борьба внутри одного и притом господствующего класса, стремившегося сохранить своё господство ценой больших или меньших уступок назревшим потребностям капиталистического развития. Буржуазные историки впоследствии много писали о борьбе «либералов» и «крепостников» вокруг реформы, необычайно идеализируя либеральные проекты реформы. «Пресловутая борьба крепостников и либералов..., — писал Ленин, — была борьбой **внутри** господствующих классов, большей частью **внутри помещиков,** борьбой **исключительно** из-за меры и

[1] Новороссийский край включал южные губернии России: Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую.

формы **уступок**. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об **уничтожении** этой собственности, о **полном свержении** этой власти» (Соч., т. XV, стр. 143).

Классовая борьба вокруг реформы. Основная линия борьбы вокруг крестьянской реформы проходила не между крепостниками и либералами, а между помещиками и крестьянами. Крестьянское движение перед реформой достигло значительных размеров. По данным 3-го отделения, в 1858 — 1860 гг. было 284 случая волнений. Рос и индивидуальный террор против помещиков и их доверенных лиц; за два только года (1858—1859), по тем же данным, были убиты крестьянами 27 помещиков, управляющих и старост и совершено 30 неудачных покушений.

Крестьяне стремились получить «всю землю» и «всю волю», освободиться вполне и окончательно от эксплоатации помещиков и от их власти. Этого было возможно достигнуть лишь путём революции, путём свержения самодержавия и экспроприации помещичьих земель. Помещики же (и «крепостники» и «либералы») были одинаково заинтересованы в том, чтобы предотвратить крестьянскую революцию, уладить дело мирным путём, уступками и соглашениями. Объективно борьба между крепостниками и либералами шла лишь из-за степени решительности поворота русской деревни на «прусский» путь капиталистического развития (по терминологии Ленина), тогда как крестьяне боролись за «американский» путь этого развития.

Классовая борьба вокруг крестьянской реформы отражалась и на страницах периодической печати. Большинство журналов того времени представляло интересы тех или других помещичьих групп, но были и передовые органы печати, которые подходили к решению крестьянского вопроса с точки зрения защиты интересов крестьян. Такими журналами были зарубежный «Колокол», издававшийся в Лондоне А. И. Герценом, и петербургский «Современник», во главе которого стояли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Герцен в «Колоколе» настаивал на освобождении крестьян с землёй, требуя предоставления им того надела, который фактически находился в пользовании крестьян, и полного освобождения их от повинностей в пользу помещика и от помещичьей власти.

Герцен стоял в этом вопросе на демократических позициях. Он исходил не из интересов развития помещичьего

хозяйства, а из интересов крестьянских масс, стремившихся к полному освобождению от феодальной эксплоатации.

Но Герцен ошибался, считая свою крестьянскую программу социалистической. В 1912 г. Ленин писал: «Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян **с землей,** в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю»... На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» — нет **ни грана** социализма. Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее **революционность** буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861 году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения» (Соч., т. XV, стр. 466).

Великий революционер-демократ Чернышевский сумел в подцензурной печати решительно отстаивать интересы крестьянства. В своих статьях конца 50-х годов по крестьянскому вопросу («Труден ли выкуп земли», «Материалы для решения крестьянского вопроса» и др.) Чернышевский подробно развивал свою программу. Он стоял не только за сохранение в руках крестьян их наделов, но и за увеличение этих наделов. Будучи вынужден из-за цензурных и полицейских стеснений говорить в своих статьях большей частью намёками, он давал всё же ясно понять читателю, что помещики не имеют права на выкуп, а если даже учесть правительственное решение о выкупе, то надо возложить платежи прежде всего на помещиков и буржуазию: «Кто выигрывает от какого-нибудь дела, тот должен платить и расходы по этому делу. Выигрывает вся нация, следовательно и расходы должна нести вся нация... И если хорошенько вникнуть в дело, то окажется, что больше всего выигрывают сами помещики, потом купцы и промышленники».

Чернышевский был убежден в полной неспособности и нежелании самодержавной власти разрешить крестьянский вопрос в соответствии с интересами народа. «Чернышевский понимал, — писал Ленин, — что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить кре-

стьян, т.-е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов» (Соч., т. I, стр. 179—180).

Чернышевский выступал в качестве лучшего защитника крестьянства и идеолога крестьянской революции.

Редакционные комиссии. В начале 1859 г. были учреждены Редакционные комиссии для разработки общего проекта положений о крестьянах на основе проектов, представленных губернскими комитетами. В состав комиссий наряду с представителями ведомств были включены также «члены-эксперты» из среды «опытных помещиков». Председателем был назначен член Главного комитета Я. И. Ростовцев — старый николаевский генерал, в молодости донесший Николаю I о заговоре декабристов, чуждый всяких «теорий» и никогда до своего назначения членом Секретного комитета не имевший никакого касательства к крестьянскому вопросу. Но, старательно взявшись «по долгу службы» за порученное ему незнакомое дело, Ростовцев сознавал свою неподготовленность и прислушивался к голосу Н. А. Милютина, который получил поэтому руководящее влияние на ход работы комиссий.

Комиссии должны были, по предписанию правительства, руководствоваться следующими общими положениями: 1) чтобы «крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшился», 2) чтобы «помещик немедленно успокоился, что интересы его ограждены» и 3) чтобы «в мирном разрешении сего вопроса Россия нашла обеспечение от государственных потрясений». Из практических пунктов программы особенно важны следующие: 1) права «свободных сельских сословий» крестьяне получают не по истечении «срочно-обязанного» периода, а немедленно по обнародовании нового положения; 2) вотчинная власть помещика ограничивается: «помещик должен иметь дело только с миром, не касаясь личностей»; 3) выходом из срочно-обязанного положения является лишь выкуп крестьянами вместе с усадьбами и полевого надела, по добровольному, однако, соглашению с помещиком, причём правительство оказывает своё содействие. Для разработки плана выкупной операции была уч-

реждена особая финансовая комиссия под председательством Ростовцева.

Это изменение правительственной программы было подсказано ростом крестьянских волнений в 1858 г. и страхом перед крестьянским восстанием, которое казалось неизбежным, если крестьянин не почувствует немедленно «улучшения своего быта». Именно в сохранении обязательных отношений и вотчинной власти помещиков Ростовцев видел источник постоянных недоразумений между помещиками и крестьянами, угрожавших «общественному порядку».

Как учреждение государственное, комиссии старались руководствоваться в своей работе преимущественно мотивами «государственного» порядка, т. е. интересами помещичьего класса в целом. Но члены Редакционных комиссий — как чиновники, так и приглашённые правительством «члены-эксперты»—были всё же помещиками, представлявшими интересы различных помещичьих групп; поэтому внутри Редакционных комиссий продолжалась та же борьба, которая шла раньше в губернских комитетах.

По основным вопросам реформы первоначально одержала верх всё же «государственная» точка зрения. С этой точки зрения были решительно отвергнуты проекты безземельного освобождения крестьян, хотя сторонники освобождения без земли были и среди членов комиссий. Земельный надел должен был служить обеспечением не только «быта» крестьян, но и исправного отбывания ими государственных повинностей. Кроме того, наделение крестьян землёй должно было предотвратить образование «класса свободных, но бездомных и безземельных работников», т. е. пролетариата, наличие которого могло бы грозить опасностью для «государственного спокойствия». Сочувственно отнеслись комиссии и к вопросу о выкупе крестьянского надела в собственность, правда, при непременном условии согласия помещиков.

Редакционные комиссии приняли значительно более высокие нормы наделов, чем это предполагалось многими губернскими комитетами. Размеры повинностей были установлены, наоборот, меньшие, чем они предлагались губернскими комитетами. Помимо мотивов «общественного спокойствия», Редакционные комиссии в этом вопросе исходили из того соображения, что крестьяне, чрезмерно обделённые землёю и непосильно обложенные повинностями в пользу помещиков, будут плохими плательщиками государственных налогов.

Те же соображения руководили Редакционными комиссиями и в решении вопроса об административном устройстве крестьян. В отличие от большинства губернских комитетов, высказавшихся за сохранение вотчинной власти помещиков над «освобождёнными» крестьянами, Редакционные комиссии высказались против сохранения вотчинной власти, решив создать особое крестьянское управление, подчинённое общим административно-полицейским органам.

В августе 1859 г. первоначальный проект «Положения» о крестьянах был уже составлен, но затем он еще в недрах Редакционных комиссий подвергся изменению в связи с замечаниями депутатов от губернских комитетов, вызванных в Петербург для участия в рассмотрении выработанного комиссиями проекта.

Вызов депутатов от губернских комитетов. Первоначально предполагалось участие депутатов в заседаниях Главного комитета при окончательном рассмотрении проекта Положений. Но сторонники «государственной» точки зрения не без основания опасались, что при таких условиях могут взять верх узко своекорыстные интересы помещичьих групп. К тому же правительство было обеспокоено проявившимися в это время в дворянской среде конституционными тенденциями и не хотело создавать прецедента, допуская дворянских депутатов к решению крестьянского вопроса в Главном комитете. По инициативе Милютина депутатам было предложено лишь представить письменные отзывы на проект Редакционных комиссий, притом для каждой губернии отдельно; кроме того, Ростовцеву было предоставлено право приглашать отдельных депутатов «по своему усмотрению и по мере надобности» на заседания комиссий «для словесных объяснений».

В середине октября 1859 г. вызванные правительством депутаты от 21 губернии, в которых были уже закончены работы губернских комитетов, обратились к Александру II с адресами, в которых выражали свои пожелания относительно дальнейшего хода крестьянского дела. 18 из них ограничились замечанием, что предположения Редакционных комиссий «не соответствуют общим потребностям», и скромной просьбой о разрешении им представить свои соображения на окончательные труды комиссий до поступления их в Главный комитет. Член Симбирского комитета Шидловский ходатайствовал о созыве под председательством царя «нарочито избранных уполномоченных от дворянства» для окончательного решения крестьянского вопроса. Пять либеральных депутатов — Унковский, Васильев, Дубровин, Шре-

тер и Хрущев — указывали, что для окончательного завершения крестьянского дела необходимо провести ряд реформ в области суда и администрации. Адреса депутатов очень раздражили Александра II: «адрес пяти» Александр признал «ни с чем не сообразным и дерзким до крайности», а авторы его получили «замечание» за «неправильные и неуместные свои домогательства». Депутатам, подписавшим «адрес восемнадцати», было «разъяснено», «что, имея в виду высочайшею властью одобренный порядок своих действий, они не должны были утруждать его императорское величество ходатайством, к изменению сего порядка клонящимся, и что члены не имели права подавать подобную просьбу за общим всех подписом». На адресе же Шидловского Александр II написал: «Вот какие мысли бродят в головах этих господ».

В феврале 1860 г. в Петербург были вызваны депутаты от остальных 24 губернских комитетов, которые также представили свои отзывы на проект Редакционных комиссий. Тем временем Ростовцев умер (6 февраля), и председателем Редакционных комиссий был назначен известный своим реакционным направлением министр юстиции граф Панин. Домогательства депутатов, направленные к реакционной защите узко своекорыстных интересов помещичьих групп, нашли поддержку со стороны нового председателя комиссий. При окончательном пересмотре проекта нормы земельных наделов для многих уездов были понижены, во многих губерниях были повышены нормы крестьянских повинностей, причём было установлено, что размер оброка может быть пересмотрен через 20 лет (разумеется, в сторону повышения).

Реформа в Главном комитете и Государственном совете. В октябре 1860 г. Редакционные комиссии закончили свою работу, и проект поступил в Главный комитет по крестьянскому делу, где в него были внесены ещё некоторые изменения в интересах крепостников; нормы крестьянских наделов для многих местностей были ещё более понижены.

28 января 1861 г. началось рассмотрение проекта в Государственном совете, куда он поступил из Главного комитета для окончательного обсуждения. «Я надеюсь, господа, — сказал на этом заседании Александр II, — что при рассмотрении проектов, представленных в Государственный совет, вы убедитесь, что всё, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, сделано». Государственный совет, однако, нашёл, что кое-что всё же ещё можно сделать в этом направлении. По предложению князя Гагарина

в проект было внесено ещё одно дополнение в интересах крепостников: в тех случаях, когда крестьяне соглашались получить ¼ нормального надела, он предоставлялся им в собственность бесплатно; приманкой «даровщины» крестьяне побуждались брать ничтожные наделы, заслужившие впоследствии название «нищенских», «сиротских» или «кошачьих».

Положения 19 февраля. 19 февраля — день восшествия на престол Александра II. В этот день 1861 г. одобренный Государственным советом проект Положений о крестьянах был подписан Александром II. В тот же день был подписан и манифест, возвещавший о реформе. Опубликован он был, однако, лишь 5 марта; правительство не сразу решилось это сделать, опасаясь крестьянских волнений (19 февраля приходилось на масленицу, когда народ «гулял», и правительство предпочло выбрать более «тихий» день — начало поста).

«Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», касались двух сторон крестьянского быта: личной зависимости крестьян от помещиков и поземельных отношений.

Наделы. При освобождении крестьяне обязательно наделялись землей. Обязательность эта была взаимной: помещик был обязан предоставить крестьянам надел, но и крестьяне были обязаны этот надел получить: в законе прямо было сказано, что надел предоставляется крестьянам не только «для обеспечения их быта», но и «для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком».

Лишь по истечении девяти лет крестьяне имели право отказаться от надела, а следовательно, и освободиться от связанных с ним повинностей. Но осуществление этого права было обставлено такими условиями, что воспользоваться им крестьяне могли лишь в редких случаях.

Размер надела предоставлялся добровольному соглашению между помещиком и крестьянами, но «добровольность» ставилась всё же в некоторые рамки: крестьяне не могли требовать надела выше определённой нормы, но и помещик не имел права урезать надел ниже установленного законом предела. Меньше минимального надела крестьяне могли получить только в том случае, если до реформы фактический надел был ниже этой нормы.

Поземельное устройство крестьян определялось местными Положениями, построенными на одинаковых принципах, но разнообразившимися между собой в деталях в зависимости от местных условий. Для примера возьмём мест-

ное Положение, относящееся к губерниям «великороссийским», «новороссийским» и белорусским. По этому Положению вся указанная территория была разделена на три полосы — нечернозёмную, чернозёмную и степную. Для чернозёмной и нечернозёмной полосы были установлены две нормы—высшая и низшая (последняя в три раза ниже высшей). Для степной полосы устанавливалась только одна «указная» норма. Размеры высшего и указного надела колебались от $2^3/_4$ до 12 десятин по разным губерниям и уездам.

В пределах этих норм Положение предоставляло помещику право, не спрашивая согласия крестьян, производить «отрезки» в свою пользу от старых крестьянских наделов, которыми крестьяне пользовались до реформы. Если старый надел превышал «высшую» или «указную» норму, то помещик мог отрезать излишек; надел мог быть ещё уменьшён, если бы оказалось, что за наделом крестьян в распоряжении помещика остаётся меньше $^1/_3$ всех удобных земель, находившихся в его владении. В степной же полосе помещик мог произвести урезку крестьянского надела и в том случае, если на его долю оставалось меньше половины всей удобной площади. Кроме того, по «добровольному» соглашению с крестьянами, крестьянские наделы могли быть урезаны ещё больше — до половины высшего или указного надела, а если земля выкупалась крестьянами в собственность, то даже до $^1/_3$ этой нормы. Мало того, если между помещиками и крестьянами достигалось соглашение о бесплатном отводе надела в собственность, то надел мог быть уменьшён до $^1/_4$ высшей или указной нормы (так называемый «дарственный», или «четвертной» надел). Общая площадь «отрезков» от дореформенного крестьянского землепользования превысила 5,3 млн. десятин, причём немногим менее 4 млн. десятин приходилось на чернозёмную полосу, где сокращение крестьянских наделов достигало 20—30 и даже 40%. В Саратовской и Самарской губерниях из каждых 10 десятин, находившихся в пользовании крестьян до 1861 г., они во время реформы получили только 5—6 десятин.

Лес, как общее правило, в крестьянский надел не включался. Помещик обязан был предоставить крестьянам лесную площадь лишь в обильных лесом северных, северо-западных и северо-восточных губерниях, да и то в тех случаях, когда лесные участки находились в пользовании крестьян до реформы и были расположены далеко от значительных городов, сплавных рек и железных дорог, т. е. когда лес не представлял рыночной ценности. Помещик обя-

зан был предоставить крестьянам прогон для скота к водопою, но выбор места для прогона предоставлялся усмотрению помещика.

Закон не обязывал также помещика урегулировать чересполосицу крестьянских и помещичьих земель, обычно существовавшую в крепостное время. Разверстание крестьянских и помещичьих земель предоставлялось всецело усмотрению помещика. Помещику предоставлялось право переносить крестьянские усадьбы на другое место, если это вызывалось его хозяйственными соображениями. Наконец, помещик имел право в любой момент (до тех пор, пока крестьяне не перешли на выкуп) потребовать обмена крестьянского надела на ту землю, которую он оставил за собой, если на отведенной крестьянам земле оказывались какие-нибудь полезные ископаемые или если она оказывалась нужной помещику для устройства дренажа, проведения дороги или прогона, устройства пристани или перевоза на реке и т. п.

Повинности. Помещик обязан был предоставить крестьянам земельный надел не в собственность, а лишь «в постоянное пользование». Юридически отходящая к крестьянам земля продолжала оставаться помещичьей собственностью, за пользование которой крестьяне должны были нести повинности до тех пор, пока между ними и помещиком не будет заключена выкупная сделка. До этого времени крестьяне считались «временно-обязанными». Но так как для перехода на выкуп не было установлено никакого срока, эта «временность» из срочной, как предполагалось ранее, превращалась в бессрочную.

Положения устанавливали два вида повинностей — оброк и барщину. Размеры оброка по «великороссийскому» Положению колебались от 8 до 12 рублей за душевой надел, в зависимости от местности. В основу исчисления оброка были положены размеры оброка, существовавшие накануне реформы; если припомнить, что крестьянский оброк платился не только из доходов от земледельческого хозяйства крестьян, но из разных неземледельческих доходов, то станет ясно, что, уплачивая оброк, крестьянин платил не только за пользование помещичьей землёй, но и за предоставление ему возможности распоряжаться своей рабочей силой. Оброк, таким образом, носил попрежнему характер феодальной повинности. Естественно, что никакого соответствия между оброком и доходностью крестьянского надела не было. Самый высокий оброк (12 рублей) платили крестьяне имений, расположенных под Петербургом, где, как извест-

но, земля весьма невысокого качества. Затем шли Петербургская, Московская и Ярославская губернии и промышленные уезды Владимирской (где оброк был установлен в 10 рублей). А крестьяне чернозёмных Курской и Воронежской губерний платили 9 рублей.

При исчислении оброка введена была так называемая «градация», состоявшая в том, что первая десятина полученного крестьянами надела ценилась дороже следующих десятин: поэтому, если крестьяне получали неполный надел, то каждая десятина обходилась им дороже, чем при получении полного надела, т. е. чем меньше земли получал крестьянин, тем дороже она ему стоила. Градация давала помещикам возможность ещё более увеличивать несоответствие между размером оброка и доходностью земли, т. е. ещё больше повышать плату за утрату власти над личностью крестьянина. А так как рабочая сила особенно дорого ценилась в нечернозёмной полосе, то в градации больше всего были заинтересованы помещики нечернозёмной полосы. В этой полосе градация служила, кроме того, побуждением для крестьян выкупать побольше ненужной помещику земли.

В барщинных имениях барщина могла сохраниться и после реформы, по добровольному соглашению между помещиком и крестьянами. Добровольным соглашением определялись также размер и порядок отбывания барщины. Если же по этим вопросам соглашения не удавалось достигнуть, то барщина отбывалась на основании Положений. Согласно «великороссийскому» Положению, за каждый душевой надел крестьяне должны были отрабатывать в год 40 дней мужских и 30 женских, причём и мужчины и женщины должны были являться на работу со своим инвентарём, совсем как до реформы. Барщинной повинности подлежали мужчины с 18 до 55 лет, а женщины — с 17 до 50, т. е. приблизительно так, как это практиковалось обычно до 19 февраля. Относительно барщины также введена была градация.

Большую часть барщинных дней (3/5) крестьяне должны были отрабатывать в летнее полугодие, которое крестьянину было особенно дорого для работы на себя. Помещик мог потребовать крестьян на работу в любой день, за исключением праздников, с тем лишь, чтобы общее число дней в неделю не превышало определённой нормы. Если крестьянин не мог работать по болезни, то за него должны были отработать другие крестьяне (или он сам по выздоровлении). Если он болел более шести месяцев, то мог быть лишён земельного надела.

Губернские присутствия должны были выработать урочные положения, в которых точно указывалось, какие работы должны быть выполнены барщинным крестьянином в течение дня. Для тех работ, которые нельзя было перевести на урочное положение, установлена была продолжительность рабочего дня 12 часов в летние месяцы и 9 часов в зимние. Причём время на передвижение крестьян к месту работы, если расстояние не превышало 6 верст, в рабочие часы не включалось.

Крестьянам-барщинникам разрешалось переходить на оброк и без согласия помещика, но, во-первых, не ранее как через два года после издания Положений, и, во-вторых, при условии отсутствия казённой и помещичьей недоимки. Кроме того, о желании перейти на оброк крестьяне должны были заявить за год вперёд.

Взыскание оброка и барщинных повинностей с крестьян-недоимщиков приравнивалось к взысканию казённых сборов и производилось преимущественно перед всеми другими обязательствами, лежавшими на крестьянах. Для погашения недоимки могло быть продано имущество крестьянина, сам он мог быть отдан принудительно в заработки, наконец, у него мог быть отобран полевой надел и даже усадьба.

Таким образом, повинности временно-обязанных крестьян ничем по существу не отличались от повинностей крепостных; это была та же денежная или отработочная рента, только более или менее регулируемая законом. Отменены были только добавочные поборы — птицей, маслом, яйцами, ягодами, грибами, холстом, шерстью и пр.; ограничена подводная повинность (т. е. повинность перевозки продуктов помещичьего хозяйства крестьянскими подводами).

Наделы и повинности на Украине, в Литве и Белоруссии. «Великороссийское» местное Положение распространялось на центральные и северные губернии, на губернии Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья, на три «новороссийские» губернии (Екатеринославскую, Таврическую и Херсонскую), часть Харьковской губернии и губернии Могилевскую и Витебскую, за исключением четырёх, так называемых «инфляндских»[1] уездов, примыкавших к Прибалтийскому краю. В этих губерниях господствовало, за

[1] Инфляндия — название большой территории Ливонии; часть её, отошедшая в 1660 г. к Швеции, присоединена к России Петром I; меньшая часть, отошедшая к Польше, затем также присоединена к России (Двинская провинция) и составила впоследствии так называемые «инфляндские» уезды Витебской губернии.

немногими исключениями, общинное землепользование; в связи с этим надел отводился целому обществу, которое и отвечало круговой порукой в случае неисправного отбывания повинностей. В тех обществах, где было подворное землепользование, надел отводился отдельным домохозяевам, и последние несли личную ответственность за выполнение повинности.

Для остальных районов Белоруссии и Украины и для губерний литовских были изданы особые местные Положения: одно для так называемых «малороссийских» губерний — Полтавской, Черниговской и части Харьковской, другое — для Правобережной Украины (губернии Киевская, Подольская, Волынская), третье — для Литвы и части Белоруссии (губернии Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская и «инфляндские» уезды Витебской). Во всех этих районах господствовало подворное землепользование; поэтому надел отводился каждому отдельному домохозяину, который и отвечал лично за выполнение повинностей в пользу помещика.

Что касается размеров надела, то в Правобережной Украине, Литве и Белоруссии, где существовали инвентари[1], за крестьянами закреплялись все земли, которыми они пользовались на основании инвентарей; в известных случаях, правда, часть крестьянских земель могла отойти в распоряжение помещика, но, согласно литовско-белорусскому Положению, $^{5}/_{6}$ общей площади крестьянских земель каждого имения во всяком случае должны сохраниться в качестве крестьянского фонда, предназначенного «для постоянного обеспечения быта всего земледельческого сословия». При определении повинностей в тех губерниях, где были введены инвентари, соблюдалось общее правило, чтобы размер повинностей с каждого двора не превышал общей суммы повинностей, отбывавшихся с данного участка на основании инвентарей. Кроме того, в литовско-белорусских губерниях размеры повинностей, включённых в уставные грамоты, должны были быть ещё проверены особыми поверочными комиссиями, причём последние ни в коем случае не могли повысить эти повинности, а могли только понизить их. Таким образом, в пограничных «западных» губерниях, где помещиками были преимущественно поляки и где крестьянство в первой половине XIX в. особенно сильно восставало против помещичьего гнёта, правительство прибегло к демаго-

[1] Инвентарями в этих областях называли записи, регулировавшие повинности крепостных крестьян по отношению к помещику.

гической политике, руководствуясь стремлением провести реформу «тихо», избежав новых волнений.

В губерниях «малороссийских» этот политический мотив не имел значения, и там правительство пошло навстречу стремлениям помещиков удержать в своих руках возможно больше драгоценной земли. Высший размер душевого надела (в среднем на всё общество) был определён по разным местностям от $2\frac{3}{4}$ до $4\frac{1}{2}$ десятин, низший — от $1\frac{3}{8}$ до $2\frac{1}{4}$ десятин, причём, так же как и по «великороссийскому» Положению, надел мог быть урезан и до $\frac{1}{3}$ высшей нормы, а в случае согласия крестьян на бесплатный отвод надела — до $\frac{1}{4}$ нормы.

Градации повинностей в «малороссийских» губерниях не было: рабочая сила ценилась здесь невысоко, так как неземледельческих заработков крестьяне почти не имели; с другой стороны, при пропорциональном уменьшении повинностей с уменьшением надела помещикам легче было добиться согласия крестьян на урезку надела, так как повинности за полный надел нередко оказывались для них непосильными. Но помещики своего всё же не потеряли: повинности за десятину усадебной земли были установлены в два-три раза выше, чем за десятину полевого надела; повышенный размер повинностей за усадьбу вознаграждал, таким образом, помещика за потерю власти над личностью крестьянина. Градация не была введена и в «западных» губерниях, причём и там были установлены повышенные нормы повинностей за усадьбы.

Выкуп. С момента заключения выкупной сделки крестьяне переставали быть временно-обязанными и превращались в крестьян-собственников.

Специальное «Положение о выкупе» различало право выкупа усадьбы от права выкупа полевого надела. Усадьбу крестьянин мог выкупить в любое время, когда захочет, при условии, однако, отсутствия недоимки на его наделе. При этом он должен был сговориться с помещиком о размерах выкупной суммы (или определить её на основании Положения) и внести эту сумму целиком вперёд. Полевой надел крестьянин мог выкупить только с согласия помещика; если же крестьяне не хотели переходить на выкуп, а помещику это было нужно, то помещик мог принудить крестьян заключить выкупную сделку. Вопрос о выкупе полевого надела предоставлялся, таким образом, всецело на усмотрение помещика.

Размеры выкупной суммы определялись опять-таки либо добровольным соглашением, либо на основании Положе-

ния — путём капитализации оброка из 6%, т. е. путём умножения суммы оброка на $16^2/_3$[1].

Но крестьяне, за редким исключением, не могли, конечно, уплатить помещику сразу всю сумму капитализированного оброка. Чтобы удовлетворить в данном случае интересы помещиков, правительство организовало так называемую «выкупную операцию», которая состояла в том, что помещик получал из казны (частью деньгами, большей частью процентными бумагами) ссуду в размере 80% выкупной суммы, если крестьяне получали полный надел, или 75%, если крестьяне получали надел неполный. Расплачиваться за эту ссуду должны были крестьяне, внося ежегодно в течение 49 лет так называемые «выкупные платежи» в размере 6% выкупной ссуды. В эти 6% входили $1/_2$% погашения ссуды, $1/_2$% на организационные расходы по выкупной операции и 5% роста. Разницу между выкупной суммой и выкупной ссудой (остальные 20 или 25%) крестьяне должны были уплатить помещику наличными вперёд, при заключении сделки. В тех случаях, когда выкуп производился по требованию помещика, без согласия крестьян, последние от доплаты освобождались.

Так как в основу исчисления выкупной суммы была положена сумма оброка, то выкуп нужно рассматривать не только как выкуп земли, а как выкуп феодальных повинностей, т. е. выкупу подлежала в сущности и личность крестьянина.

Дворовые не получали ни усадьбы, ни земельного надела и освобождались без выкупа, но не сразу; в течение двух лет после издания закона дворовые должны были выполнять все лежавшие на них работы и нести ту службу, которую они несли до реформы, либо, если они ходили по оброку, уплачивать оброк в прежнем размере. До срока дворовый мог быть освобождён только с согласия помещика.

Правовое положение крестьян и крестьянские учреждения. На основании «Общего положения» крестьяне получали ряд гражданских прав. Они могли заключать всякого рода сделки, предъявлять иски, заниматься торговлей и промыслами, владеть движимым и недвижимым имуществом, вступать в брак без согласия помещика и пр. Крестьяне перестали быть на положении рабочего скота, который можно было продавать, обменивать, закладывать, дарить; помещик потерял право вмешиваться в семейную жизнь крестьянина; с помещика была снята ответственность за уплату крестьянами податей и за отбывание ими рекрутской повинности.

---

[1] Например, при оброке с крестьянской души в 9 руб. в год выкупная сумма составляла 150 руб., при оброке в 12 руб.— 200 руб. и т. д.

Всё это являлось шагом вперёд на пути от феодального права к буржуазному, но и в этом деле реформа остановилась на полдороге. По отношению к временно-обязанным крестьянам помещики сохранили целый ряд прав, принадлежавших им до реформы. Помещик сохранил право опеки над крестьянами и «представительства» их интересов на суде, хотя бы они этого и не желали. Помещик сохранил право вотчинной полиции, ему были подчинены в полицейском отношении сельские власти. Помещик имел право приостановить выполнение любого постановления сельского схода. Он мог требовать смены выборных должностных лиц сельского управления, исключения из сельского общества неугодного ему крестьянина. Наконец, помещик сохранил право на принудительный труд временно-обязанных крестьян — оброк и барщину. Но и после прекращения временно-обязанного состояния над крестьянином продолжали тяготеть многочисленные правовые ограничения, вытекавшие из неравноправного, приниженного положения крестьянского сословия, закреплённого реформой 1861 г. и пореформенным законодательством о крестьянах.

Для управления крестьянами были созданы особые органы крестьянского общественного управления, сохранившие целый ряд черт феодально-крепостного режима. Все домохозяева сельского общества, состоявшие обычно из крестьян, принадлежавших одному помещику, составляли сельский сход, избиравший сельского старосту, сборщика податей и других должностных лиц. В волости же, состоявшей из ряда смежных сельских обществ, собирался волостной сход, состоявший из представителей сельских обществ и избиравший волостное правление с волостным старшиной во главе, и волостной суд, которому были подсудны по мелким гражданским и уголовным делам крестьяне данной волости (лица других сословий судились волостным судом лишь в случае на то их согласия).

Крестьянское управление было чрезвычайно ограничено в своих возможностях; если крестьяне на сходах выходили за пределы установленных им для решения вопросов, то за это привлекались к ответственности как участники сходов, так и должностные лица. Подлежавшие ведению сходов вопросы касались преимущественно раскладки и сбора податей и порядка отбывания всякого рода повинностей. В тех обществах, где было сохранено общинное землевладение, к этому присоединялись вопросы, касавшиеся земельных распорядков.

Должностные лица сельского и волостного управления несли целый ряд полицейских обязанностей. Сельский староста должен был следить за исправным отбыванием крестьянами податей и повинностей — казённых, земских, мирских и помещичьих. Он должен был наблюдать за составлением «ревизских сказок», т. е. за представлением сведений, собирающихся с целью определения податей. Сельский староста должен был наблюдать за содержанием в исправности дорог и мостов, распоряжаться подачей помощи в чрезвычайных случаях: например, при пожарах, наводнениях и пр. Волостной старшина, кроме того, должен был объявлять законы и распоряжения различных властей, охранять «благочиние» в общественных местах и безопасность лиц и имуществ, предупреждать и пресекать преступления, задерживать бродяг, беглых, дезертиров и преступников, следить, чтобы среди крестьян не распространялись «вредные слухи» и пр.

Крестьянское управление было поставлено в непосредственную зависимость от администрации. Все должностные лица сельского и волостного управления должны были беспрекословно исполнять распоряжения и требования судебных следователей, земской полиции и всех вообще установленных властей. Кроме того, над крестьянским управлением было поставлено и специальное должностное лицо — мировой посредник, все распоряжения которого должны были также беспрекословно исполняться должностными лицами крестьянского управления.

Основной функцией мировых посредников было содействие соглашению крестьян с помещиками и составлению так называемых «уставных грамот», в которых точно определялись размеры получаемого крестьянами надела, его местоположение и крестьянские повинности. Уставные грамоты должны были быть введены в действие не позднее чем через два года после издания Положений; до этого крестьяне должны были выполнять повинности в прежнем размере, за исключением мелких поборов[1]. Помимо этой задачи, мировые посредники должны были утверждать выборных должностных лиц крестьянского управления. Они могли отменять постановления крестьянских сходов. Мировые посредники рассматривали жалобы на органы крестьянского управления и могли налагать взыскания на крестьянских выборных должностных лиц: подвергать их аресту или штрафу.

[1] Мелкие поборы — птицей, маслом, яйцами, ягодами, грибами, холстом, шерстью — были отменены.

Мировые посредники назначались губернатором, по рекомендации предводителей дворянства, из местных дворян, обладавших определённым земельным цензом, и утверждались министром внутренних дел. Таким образом, мировой посредник, с одной стороны, был органом центральной власти, а с другой—был тесно связан с местным дворянством. Над мировым посредником стоял уездный съезд мировых посредников под председательством уездного предводителя дворянства, а над съездом — губернское присутствие по крестьянским делам под председательством губернатора, состоявшее отчасти из чиновников, отчасти из местных дворян-помещиков.

Власть отдельного дворянина-помещика над крестьянами заменялась в значительной мере властью представителей местного дворянского общества.

Сельское общество было связано круговой порукой: всё общество отвечало за исправность отбывания казённых, земских и мирских повинностей каждым его членом, независимо от того, было ли в данном обществе общинное или подворное землепользование. В тех местностях, где существовало общинное пользование землей, круговая порука распространялась и на повинности в пользу помещика. Община имела при этом принудительный характер, т. е. крестьяне не имели права выйти из неё, пока не выкупят окончательно свой надел. Общинное пользование землей было соединено с периодическими земельными переделами.

Крестьянское управление носило прежде всего тяглый характер: его задачей было по преимуществу обеспечение поступления государственных податей и отбывания помещичьих повинностей. Вместе с тем крестьянское управление имело и полицейский характер. Правительством возлагалась на него задача всемерно содействовать охранению существующего государственного и общественного порядка. Подчинённое органам правительственной власти, крестьянское управление входило в систему правительственного аппарата, являясь низшей его ячейкой, всецело зависевшей от вышестоящих органов.

Правила о крепостных и посессионных [1] рабочих. Особые правила касались крепостных и посессионных рабочих. На

[1] Посессия — слово латинское, означающее владение, обладание. Посессионные заводы во время крепостного права создавались промышленниками и купцами на отведенных им казённых землях. Крепостные крестьяне, приписанные к заводу, назывались посессионными. В крепостной России было установлено право на потомственное пользование заводами, к которым приписаны крепостные крестьяне.

крепостных крестьян, отбывавших барщину в качестве рабочих на промышленных предприятиях своих помещиков, распространено было действие общего и соответствующих местных Положений (с некоторыми лишь изъятиями), а также Положения о выкупе. Земельный надел крепостные-рабочие получали лишь в том случае, если они пользовались землёй до реформы. В противном случае, за ними сохранялась лишь усадьба. Рабочие, не имевшие усадеб, а жившие в хозяйских помещениях, приравнивались при освобождении к дворовым. Барщинная повинность отменялась немедленно и заменялась денежным оброком. Исключение составляли лишь уральские горные заводы и соляные промыслы, где барщина заменялась оброком постепенно, в течение трёх лет. Закон допускал также, что рабочие, которые будут не в состоянии выплачивать денежный оброк, могут по соглашению с владельцами «отрабатывать оный в заводских работах сполна или частью».

Что касается посессионных рабочих, то, согласно правилам о людях, приписанных к частным горным заводам, «мастеровые», т. е. люди, работавшие непосредственно на заводах и в рудниках (а также разного рода служащие), пользовавшиеся ранее покосами или пахотной землёй, также получали земельный надел в постоянное пользование за повинности. Но этот надел (за исключением усадьбы) не подлежал выкупу; зато мастеровые могли от него отказаться, освободившись таким образом и от связанных с ним повинностей. Мастеровые, не пользовавшиеся ранее землёй, надела не получали, сохраняя лишь усадьбу, за пользование которой платили определённый оброк. Причём эту усадьбу они имели право выкупить в собственность. Мастеровые, не имевшие отдельной усадьбы и жившие в заводских помещениях, при освобождении приравнивались к дворовым. На «сельских работников», исполнявших на заводе вспомогательные работы, совмещая с ними своё земледельческое хозяйство, распространялись общее и местное великороссийские Положения (с некоторыми изъятиями), а также Положение о выкупе. От обязательных работ сельские работники освобождались также постепенно, в течение трёх лет, с той же оговоркой о возможности отрабатывать оброк на заводах, если он будет для них непосилен.

Реформа в отношении государственных и удельных крестьян. Основные начала Положений 19 февраля были распространены также на крестьян государственных и удельных.

По отношению к удельным крестьянам 26 июня 1863 г. было издано особое Положение, в силу которого эти кре-

стьяне сохраняли полностью свои наделы, находившиеся в их пользовании до реформы; в тех же местах, где фактический надел удельных крестьян был меньше нормального надела, установленного Положениями 19 февраля для помещичьих крестьян, удельные крестьяне получали соответствующую прирезку. В результате землевладение удельных крестьян после реформы несколько увеличилось. До реформы средний их надел составлял 4,2 десятины на душу, после реформы — 4,9 десятины. Наделы удельных крестьян также подлежали выкупу в рассрочку, причём для них выкуп считался обязательным, и они сразу переходили в состояние крестьян-собственников. В связи с этим оброчные платежи, уплачиваемые крестьянами за пользование землёй, были превращены в выкупные.

На государственных крестьян основания Положений 19 февраля были распространены указами от 18 января и 24 ноября 1866 г. Государственные крестьяне, как и удельные, сохранили полностью свои прежние наделы, значительно превышавшие по размерам наделы помещичьих крестьян (средний надел государственных крестьян составлял 6,7 десятины на душу). Но выкуп для них не считался обязательним, а предоставлялся усмотрению сельских общин и отдельных домохозяев; до выкупа же они продолжали платить попрежнему оброчную подать. Особым указом 16 мая 1867 г. было определено поземельное устройство государственных крестьян в 9 «западных» губерниях (в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине); в этих губерниях оброчная подать была заменена выкупными платежами, и крестьяне сразу перешли в разряд собственников.

Разница в земельном обеспечении различных разрядов крестьян получилась очень значительная: по данным 1877—1878 гг., по 49 губерниям Европейской России помещичьи крестьяне имели в среднем 3,35 десятины удобной земли на душу, удельные — 4,81 десятины, т. е. на 43,6% больше, государственные—5,93 десятины, т. е. на 77% больше помещичьих. Размеры платежей были также различны, причём находились в обратно пропорциональном отношении к размерам наделов. Больше всего платили за свою землю помещичьи крестьяне, меньше всего — государственные. По данным 1885—1886 гг. (по 37 губерниям), несмотря на то, что выкупные платежи помещичьих крестьян были перед этим понижены, а выкупные платежи государственных крестьян повышены, платежи помещичьих крестьян превышали платежи государственных больше, чем в полтора раза, в отдельных же губерниях — вдвое и даже втрое.

Оценка реформы 19 февраля. «Великая реформа»,—писал Ленин,—была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники» (Соч., т. XV, стр. 143).

«Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения», от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях **свыше** 1/5 части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до 1/3 и даже до 2/5 крестьянской земли. По случаю «освобождения», крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю «освобождения», крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, при чем содрали **вдвое и втрое** выше действительной цены на землю» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 142).

Но при всем том реформа, хотя и проведенная крепостниками, была по своему содержанию реформой буржуазной. «Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем **меньше** урезывались крестьянские земли, чем **полнее** отделялись они от помещичьих, чем **ниже** был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем **свободнее** от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. **Поскольку** крестьянин вырывался из-под власти крепостника, **постольку** он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» (там же, стр. 143).

3. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 60-х ГОДОВ

Крестьянское движение после реформы 1861 г. Реформа 1861 г., проведенная крепостниками, не имела ничего общего с интересами крестьян, чаяния которых оказались совершенно обманутыми. «Крестьяне говорят: «Тут что-то не так—будет настоящая воля, а то—что это за воля: иди на барщину», — писал даже такой умеренный деятель, как славянофил Иван Аксаков. «Минута разочарования», которую еще в начале подготовки реформы предвидел сам

Александр II, неизбежно наступила. Недовольство крестьян обнаружилось почти повсеместно.

Крестьяне часто объявляли манифест и Положения 19 февраля подложными или отвергали истолкование, которое манифесту и Положению давалось начальством. Крестьяне находили своих толкователей, которые вычитывали из Положений то, что отвечало крестьянским желаниям. Широкое распространение получило среди крестьян убеждение, что реформа не имеет окончательного характера, что надобно ожидать «второй воли», «настоящей воли» по истечении двухгодичного срока, установленного для введения в действие Положений 19 февраля. Этим определялась одна из популярных тогда форм крестьянского протеста — уклонение от подписания «уставных грамот». Существовало мнение, что соглашение с помещиком приведёт к лишению права на ту новую, «истинную волю», которая ожидалась в 1863 г. Во многих местах крестьяне проводили полный или частичный отказ от исполнения повинностей в пользу помещика, соглашались выходить на барщину не более одного либо двух дней в неделю или выполняли барщинные работы нарочито нерадиво. Бывали случаи предварительного сговора соседних деревень об отказе от работы. Так, в Валковском уезде Харьковской губернии крестьяне, съехавшись на ярмарку, условились не работать на барщине более одного дня в неделю.

В ряде случаев крестьянский протест проявлялся в открытых возмущениях. Власти своим грубым произволом и насилиями над «освобождёнными» крестьянами усиливали недовольство и раздражение масс. К моменту объявления «воли» на места были командированы генерал-майоры царской свиты и флигель-адъютанты с широчайшими полномочиями по усмирению «беспокойств, неповиновения или ослушания». Розгами, штыками и пулями они подавляли малейшие попытки уклонения крестьян от выполнения Положений 19 февраля. Крупнейшие столкновения произошли в Пензенской и Казанской губерниях. В первой действовал усмиритель генерал Дренякин, во второй — граф Апраксин.

В Пензенской губернии волнения охватили уезды Чембарский и другие, откуда движение распространилось на соседние уезды Тамбовской губернии — Кирсановский и Моршанский. Центрами волнений были селения Кандеевка и Черногай. В Кандеевке собралось до 10 тыс. крестьян из десятков окружных селений, в Черногае — до 3—4 тысяч. С криками «Воля, воля!» крестьяне возили по деревням красное знамя и объявляли: «Земля вся наша! На оброк не

хотим и работать на помещика не станем». Большую роль в этих волнениях сыграл беглый крестьянин Леонтий Егорцев, «разъяснявший» в духе крестьянских требований манифест 19 февраля, призывавший не верить начальству и грозивший смертью как усмирителям, так и «ослушникам» из крестьян. Когда в Черногай была введена рота солдат, крестьяне, вооружённые кольями, заставили её отступить, после чего сюда был направлен целый батальон. При усмирении в Черногае (10 апреля 1861 г.) было убито трое и ранено четверо крестьян. Исключительное упорство и беспримерную неустрашимость проявили кандеевские крестьяне; толпа после нескольких залпов продолжала стоять на своём: «Все до одного умрём, но не покоримся». Только после того как из толпы было захвачено более 400 человек, из которых тут же 29 человек наказали шпицрутенами, сопротивление было сломлено, хотя отдельные лица из наказанных всё же продолжали твердить: «Хоть убей, но на работу не пойдём и на оброк не хотим». В Кандеевке войсками было убито 8 и ранено 27 человек (расправа произошла 18 апреля 1861 г.). 108 человек были подвергнуты наказанию шпицрутенами и ссылке в Сибирь на каторжные работы и на поселение, 58 человек наказаны розгами.

Одновременно с пензенскими событиями разыгралась так называемая безднинская трагедия, вызвавшая широкий отзвук в передовых кругах русского общества. Село Бездна, Спасского уезда, Казанской губернии, сделалось центром крестьянского движения, охватившего три уезда губернии (Спасский, Чистопольский и Лаишевский) и смежные районы Самарской и Симбирской губерний. Бездницкий крестьянин Антон Петров «вычитал» из Положений следующую фантастическую «истинную волю»: «помещику земли — горы да долы, овраги да дороги и песок да камыш, лесу им ни прута. Переступит он шаг со своей земли — гони добрым словом, не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду». Антон Петров призывал крестьян не слушать помещиков и начальников, не ходить на барщину, не платить оброка, брать хлеб из барских амбаров. Со всех сторон к Петрову стекались толпы, чтобы послушать «истинную волю». 12 апреля 1861 г. в Бездну прибыл генерал граф Апраксин. Он потребовал немедленной выдачи Антона Петрова и после отказа крестьян приказал войскам открыть огонь по толпе. Сам Апраксин говорил о 51 убитом и 77 раненых, однако, по подсчёту лечившего раненых врача, жертв было более 350,

Царь по телеграфу предписал «Антона Петрова судить по полевому уголовному уложению и привести приговор в исполнение немедленно», т. е. вопрос о смертном приговоре был предрешён: Антон Петров был расстрелян 19 апреля 1861 г.

Наивысшего напряжения крестьянские волнения достигли в первые месяцы после опубликования Положений. Общая же картина волнений в 1861—1863 гг. такова: в 1861 г. волнения захватили 1 176 имений (войска были введены в 337 имений); убитых и умерших от ран крестьян, по правительственному подсчёту, было 140, раненых — 170. В 1862 г. волнения происходили в 400 имениях (войска введены в 193 имения). В 1863 г. волнения были в 386 имениях (войска введены в третью часть этих имений). После 1863 г. число волнений резко падает. Уже в 1864 г. волнения произошли только в 75 имениях. К этому времени кончился установленный срок для введения Положений. Правительству, мобилизовавшему крупные военные силы, удалось сломить сопротивление крестьянства и подавить стихийное, разрозненное и неорганизованное крестьянское движение.

Выступление А. Щапова. Отношение к реформе Герцена и Огарёва. Радикальная и демократическая интеллигенция была возмущена крепостническим характером реформы. Крестьянские волнения находили у неё сочувственный отклик. Быстро нарастало студенческое движение — в сентябре и октябре 1861 г. произошли уличные демонстрации студенчества в Петербурге и Москве. Непосредственным откликом на крестьянское движение было выступление казанских студентов в апреле 1861 г., вызванное событиями в Бездне. Слухи о крестьянском движении в губернии волновали студентов, некоторые из них пытались даже вступить в сношения с Антоном Петровым. После бezднинского расстрела студенты Казанского университета и духовной академии устроили 16 апреля 1861 г. демонстративную панихиду по убитым, на которой присутствовало около 400 человек. С речью выступил молодой профессор истории А. П. Щапов. Он указал, что волнение бездининских крестьян опровергло несправедливое мнение, «будто народ наш не способен к инициативе политических движений». Щапов предсказывал, что жертва, принесенная в Бездне, «воззовёт народ к восстанию и к свободе», и закончил свою речь требованием демократической конституции. Щапов был арестован, лишён кафедры и приговорён синодом (он был профессором Духовной академии)

к ссылке в Соловецкий монастырь. Передовые демократические круги подняли кампанию за освобождение Щапова, и под давлением общественного мнения заключение Щапова в монастырь было отменено: он был оставлен под секретным надзором (в 1864 г. он был сослан в Сибирь за сношения с «лондонскими пропагандистами»).

С наибольшей отчётливостью и полнотой отношение русской демократии к реформе было сформулировано, с одной стороны, в герценовском «Колоколе», с другой — в выступлениях Чернышевского и близких к нему кругов. Друг и помощник Герцена Н. П. Огарёв разоблачал реформу в статьях под выразительным заглавием «Разбор нового крепостного права, обнародованного 19 февраля 1861 года в Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». «Старое крепостное право заменено новым, — писал он. — Вообще крепостное право **не отменено. Народ царём обманут!»** Он заключал отсюда, что безусловный разрыв с правительством «для всякого честного человека становится обязательным». Столь же определённо высказывался о реформе и Герцен: «Освобождение — обман», царь «облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза». В пламенных строках Герцен выражал те чувства негодования и возмущения, которые охватили всю передовую Россию при известиях о массовых убийствах крестьян по приказанию царя. Обращаясь к крестьянину, «труженику и страдальцу земли русской», Герцен писал: «Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь ещё в царя и в архиерея... Не верь им! Царь с ними, и они его». Герцен заявлял о себе и своих друзьях: «Мы с народом русским, мы — с мужиками...»

Разоблачение реформы Н. Г. Чернышевским. Прокламация «Барским крестьянам». Как уже указывалось, еще во время подготовки крестьянской реформы «Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов... и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам» (Ленин, Соч., т. I, стр. 179—180). В последний год перед реформой Чернышевский и его «Современник» демонстративно **молчали** о ней. Даже в номере, вышедшем после манифеста 19 февраля, «Современник» обошёл манифест полным мол-

чанием и ограничился опубликованием неизбежных официальных материалов в виде особого приложения. Это вынужденное молчание явилось само по себе красноречивой оценкой реформы. Косвенно Чернышевский откликался на события, которыми сопровождалось объявление реформы, в своих блестящих иностранных обозрениях. Через год после обнародования реформы Чернышевский дал ей уничтожающую критику в замечательном произведении «Письма без адреса». Из текста было ясно, что письма эти были «адресованы» Александру II. Чернышевский разоблачил в них крепостнический характер реформы, помещичью сущность самодержавия, доказал, что «изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами с очень малым, почти незаметным изменением существа прежних отношений». Цензура не пропустила в печать «Письма без адреса» — они остались неопубликованными (позже П. Л. Лавров опубликовал их за границей в 1874 г.).

В связи с осуществлением реформы Чернышевский пришёл к убеждению в необходимости и своевременности непосредственного революционного обращения к крестьянской массе. Он написал свою знаменитую нелегальную прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». В чрезвычайно яркой и простой форме Чернышевский разоблачил в прокламации грабительский характер реформы и пророчески предсказывал, что «отрезки» послужат в руках помещиков сильнейшим орудием для нового закабаления крестьян. Чернышевский объяснял, что царь — верный защитник помещичьих интересов и враг крестьянства. «Не дождётесь вы от него воли, какой вам надобно... Вы у помещиков крепостные, а помещики у царя слуги, он над ними помещик. Значит, что он, что они, — всё одно. А сами знаете, собака собаку не ест. Ну, царь и держит барскую сторону». Чернышевский звал к восстанию, к свержению самодержавия и к установлению такого строя, «чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был праведный, и ровный всем был бы суд, и бесчинствовать над мужиком никто не смел, и чтобы пачпортов не было, и подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было». Наилучшим образом этой программе соответствовала республиканская форма правления. Указывая, что в народе «покудова ещё нет приготовленности» к восстанию, Чернышевский предлагал воздерживаться от преждевременных неорганизованных выступлений, заняться **подготовкой** восстания. Он призывал барских крестьян сговариваться с государственны-

ми крестьянами, склонять на сторону народа солдат, примечать надёжных, готовых служить народу офицеров и ждать сигнала для организованного выступления от своих «доброжелателей», т. е. от революционеров.

Прокламация Чернышевского не была напечатана и не получила распространения — она известна по рукописи, попавшей в 1861 г. в руки 3-го отделения.

«Великорусс». В течение лета и осени 1861 г. было выпущено три номера листка-прокламации «Великорусс». Она подвергала резкой критике крестьянскую реформу и всю политику правительства, требовала нового, «хорошего» разрешения «крепостного дела» и коренного изменения государственного устройства России. «Великорусс» настаивал на передаче крестьянам «по крайней мере» всех тех земель и угодий, которыми они пользовались при крепостном праве, за выкуп «на счёт всей нации». «Великорусс» требовал признания «прав национальностей», в первую очередь— освобождения Польши. Он требовал, наконец, введения в России конституции с ответственностью министров, вотированием [1] бюджета, судом присяжных, свободой исповеданий и печати, уничтожением сословных привилегий, областным и общинным самоуправлением. При этом он отвергал октроированные [2] конституции и настаивал на созыве Учредительного собрания. «Великорусс» не решал окончательно вопроса о республике и конституционной монархии, хотя и давал понять, что собственные его симпатии на стороне республики; он во всяком случае не считал совместимым установление конституционного строя с сохранением династии Романовых и в особенности с продолжением царствования Александра II. Несмотря на это, во имя единства действий всех противников существующего режима «Великорусс» рекомендовал для начала подачу адреса царю с требованием созыва свободно избранных народных представителей для выработки конституции. «Великорусс» призывал поставить широко пропаганду, «организовать и дисциплинировать» движение созданием на местах конспиративных комитетов. Тактические планы «Великорусса» были связаны с переоценкой сил конституционного движения в обществе и потому оказались с самого начала обречёнными на неуспех. Однако как агитационный документ и как формулировка политической платформы он явился фактом

[1] Вотировать — голосовать; принять какое-либо решение голосованием.

[2] Октроированные конституции — это конституции, дарованные сверху монархической властью.

крупного общественного значения. В «Письмах без адреса» Чернышевский намекал именно на «Великорусс», говоря о «загадочном появлении программы, порицаемой одними, хвалимой другими, но принимаемой к сведению всеми».

Осенью 1861 г. кружок «Великорусса», к которому принадлежали В. Ф. Лугинин (позднее известный химик), В. А. Обручев (бывший офицер, сотрудник «Современника»), Н. Н. Обручев (профессор военной статистики, впоследствии начальник Главного штаба) и др., серьёзно пострадал от правительственных репрессий; продолжением его послужило затем тайное общество «Земля и воля».

Прокламация Шелгунова и Михайлова «К молодому поколению». В сентябре 1861 г. была распространена прокламация «К молодому поколению», написанная публицистом Н. В. Шелгуновым при участии поэта М. И. Михайлова. Она была напечатана в лондонской типографии Герцена (Михайлов был осуждён по делу об этой прокламации на каторгу и в 1865 г. погиб в Сибири). Прокламация обращалась в первую очередь к «молодому поколению всех сословий» и призывала его к составлению кружков, к пропаганде среди молодёжи, среди крестьянства и в армии. Программа требований прокламации, в отдельных своих частях не вполне согласованная и несвободная от неясностей, заключалась в основном в замене самодержавия выборной и ограниченной властью и в национализации всей земли с передачей её в пользование земледельческим общинам, открытым для вступления всех желающих. Прокламация требовала равенства граждан перед законом, свободы слова, установления открытого суда, уничтожения «императорской полиции», сокращения армии. «Если нельзя иначе», авторы прокламации звали «революцию на помощь народу». Авторы разделяли народническую теорию Герцена об особом пути развития России и спасительной роли крестьянской общины. Требования прокламации, объективно представлявшие собой программу буржуазно-демократической перестройки страны, ошибочно объявлялись авторами прокламации гарантией от развития в России капитализма и пролетариата.

Заичневский и «Молодая Россия». Третья из известных прокламаций начала 60-х годов, чрезвычайно нашумевшая в своё время и ловко использованная реакцией для серьёзного удара по демократическому лагерю, носила название «Молодая Россия». Она появилась в мае 1862 г., а написана была в апреле того же года в одном из московских арестных домов политическим заключённым, студентом Москов-

ского университета П. Г. Заичневским. «Молодая Россия» заявляла себя противницей и герценовского «Колокола» и «Великорусса». Она признавала их отставшими от жизни. «Молодая Россия» выдвигала лозунг «социальной и демократической республики Русской», понимая под этим создание федеративной республики мелких земледельческих общин, заведение общественных фабрик и лавок, распределение налогов в соответствии с состоянием каждого; она требовала равенства прав женщины с мужчиной, общественного воспитания детей, «уничтожения брака и семьи». Средством к достижению поставленных целей «Молодая Россия» считала «революцию кровавую и неумолимую», в которой обещала быть «последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года» и пролить, если потребуется, «втрое больше крови, чем пролито якобинцами[1] в 90-х годах». Ожидая поддержки со стороны крестьянства, «Молодая Россия» в то же время не признавала за ним способности к революционной инициативе и возлагала эту инициативу на войска, а в первую голову — на интеллигентскую молодёжь, в которой видела вообще «главную надежду» революционеров, желательных «вожаков народа». «Молодая Россия» предсказывала весьма близкое восстание, из которого должно было, по её мнению, выйти правительство «революционной партии», вводящее путём диктатуры «в наивозможно скорейшем времени» «другие основания экономического и общественного быта». «Молодая Россия» придерживалась заговорщической, «бланкистской»[2] тактики, позже получившей своё развитие у бланкиста-народника П. Н. Ткачева.

Оппозиционное движение. Либеральное выступление тверских дворян. В развитии политического кризиса в период реформы сыграло свою роль и оппозиционное движение дворянства, резко враждебного революционному движению, но в известной своей части выражавшего с большей или меньшей резкостью недовольство правительством. Помимо либерального дворянского течения, в это время

---

[1] Якобинцы — политическая партия времен французской буржуазной революции конца XVIII в. Своё название они получили от занимаемого ими помещения в Якобинском монастыре в Париже. Якобинцы были наиболее решительными представителями революционной буржуазии.

[2] Бланкизм — течение во французском революционном движении, связанное с именем социалиста О. Бланки (1805—1881 гг.). Бланкисты считали, что свержение эксплоататоров можно провести без участия народных масс путем заговора кучки революционеров, которая установит революционную диктатуру.

существовало еще аристократическое течение, добивавшееся создания олигархической дворянской «конституции» в качестве компенсации за частично утраченную помещиками власть над крестьянами. Видный представитель этого течения М. Безобразов в записке, представленной им еще в конце 1859 г., доказывал, что самодержавие не есть «право делать всё и как вздумается», что оно должно быть облечено «полным доверием подвластных», под которыми разумелись дворяне, что существует «право земли русской», т. е. того же дворянства, «иметь выборных для совета верховной власти». После реформы вожделения этой группы ярко проявились в Москве во время губернских дворянских выборов в январе 1862 г. Н. Безобразов и Орлов-Давыдов, при живейшем сочувствии собравшихся дворян, говорили, что дворянство есть «учреждение политическое», и требовали согласования Положений 19 февраля с дворянской грамотой Екатерины II. Правительство быстро пресекло проявления этой аристократической «оппозиции».

Одним из главных очагов либерально-оппозиционного течения было тверское дворянство, которое еще накануне реформы вступило с правительством в конфликт, повлекший за собой высылку губернского предводителя дворянства, либерала Унковского. В Твери вскоре после реформы произошло наиболее значительное из всех либеральных выступлений описываемого периода. В феврале 1862 г. тверское губернское дворянское собрание формально признало неудовлетворительность Положений 19 февраля, несостоятельность обязательных отношений крестьян к помещикам и необходимость немедленного обязательного выкупа крестьянских наделов при содействии государства. Было выдвинуто требование о преобразовании финансовой системы государства в том смысле, чтобы она зависела «от народа, а не от произвола». Тверские дворяне высказались за учреждение независимого суда, введение полной гласности в управление, уничтожение сословных привилегий дворянства и слияние сословий. Губернское дворянское собрание заявило при этом, что оно «не обращается к правительству с просьбой о совершении этих реформ, но, признавая его несостоятельность в этом деле, ограничивается указанием того пути, на который оно должно вступить для спасения себя и общества; этот путь есть собрание выборных от всего народа без различия сословий». Одновременно мировые посредники Тверской губернии объявили о своей решимости руководствоваться в дальнейшей деятельности постановлениями дворянства своей губернии. Тверские мировые по-

средники были отвезены в Петропавловскую крепость и присуждены к заключению на два с лишним года каждый (потом их освободили от наказания).

В тверском эпизоде либеральное движение 60-х годов получило своё крайнее выражение. В целом либеральное движение было несравненно умереннее и послушнее по отношению к правящей власти. Кавелин, например, писал о введении представительного правления как о «бесплодных мечтах», считая, что русское общество и русский народ не «доросли» до конституции. Зато об Александре II он не мог говорить иначе, как с холопским умилением и подобострастием. Преступные насилия царизма над представителями демократии, по собственному признанию Кавелина, не казались ему возмутительными: он объявлял их законной самообороной власти. Вообще отличительной чертой либералов 60-х годов, как и их преемников позднейшего времени, было то, что они не только отказывались от поддержки демократического лагеря, но настойчиво отмежёвывались от него. Либерал-славянофил Кошелев пугал правительство возможностью согласия между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы «Великорусса», «Молодой России» и пр., и призывал его для предотвращения такой опасности опереться на «умеренную, благомыслящую» оппозицию.

Предательская тактика либералов помогла реакции подавить натиск демократических сил. «Мы видели, — писал Ленин, — как трусливо и как неразумно поступали либералы по отношению к революционному движению начала 60-х годов. Вместо того, чтобы поддерживать «согласие мещан и крестьян с приверженцами **Великорусса»**, они боялись этого «согласия» и стращали им правительство. Вместо того, чтобы подняться на защиту преследуемых правительством коноводов демократического движения, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они понесли справедливое наказание за эту предательскую политику широковещательного краснобайства и позорной дряблости. Расправившись с людьми, способными не только болтать, но и **бороться** за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы вытеснять либералов и из тех скромных и второстепенных позиций, которые ими были заняты «с разрешения начальства» (Соч., т. IV, стр. 131).

Усиление правительственной реакции. Неустойчивость и половинчатость либеральной оппозиции, страх дворянства

и дворянской интеллигенции перед возможностью революционного взрыва и тяготение их к «твердой» власти ярко проявились в середине 1862 г., когда в Петербурге прокатилась волна громадных пожаров. Правительство использовало совпадение выхода «Молодой России» с пожарами, чтобы ложно обвинить в поджогах революционеров. Была инспирирована широкая клеветническая кампания против демократии в газетах и журналах. Особенно усердным и подлым помощником правительства был московский журналист М. Н. Катков, до этого слывший либералом. «Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х г.г. XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству», — говорил Ленин (Соч., т. XXX, стр. 192).

Широкие круги либеральничавшего прежде дворянско-буржуазного общества шарахнулись вправо. Кавелин подпевал Каткову. В частном письме в июне 1862 г. Кавелин писал: «Петербургские события произвели на меня потрясающее действие. Неужели это называется прогресс, свобода? Боже великий! Да такой прогресс заслуживает только картечь и виселицу!». Правительство постаралось не упустить благоприятного момента и обрушилось на демократию рядом жестоких репрессий. Были временно запрещены демократические журналы «Современник» и «Русское слово» (впоследствии окончательно закрыты — в 1866 г.). Признанный вождь демократии Н. Г. Чернышевский и замечательный русский публицист и критик Д. И. Писарев были брошены в Петропавловскую крепость. По всей России были закрыты воскресные школы, в большом числе возникшие с 1859 г. в результате общественной инициативы (преподавателями в них главным образом были студенты). В столице была создана специальная верховная следственная комиссия, которая затем в течение многих лет вела усиленную борьбу с «крамолой».

Это был первый после реформы 1861 г. крупный и открытый поход реакции против демократии.

Сильнейшим ударом правительственной реакции по революционному движению был арест Н. Г. Чернышевского (7 июля 1862 г.). Обыск у Чернышевского — опытного конспиратора — не дал следствию бесспорных улик для обвинения, его судили на основании подложных и подтасованных данных. Чернышевский был признан виновным в авторстве прокламации «Барским крестьянам», в сношениях с

Герценом и в подготовке возмущения против существующего строя. 7 февраля 1864 г. суд приговорил Чернышевского к лишению всех прав состояния, к 14 годам каторги и к последующему поселению в Сибири (при окончательном утверждении приговора срок каторги был сокращён наполовину). Утром 19 мая 1864 г. состоялась «гражданская казнь» Чернышевского. Он был выставлен к «позорному столбу» на Мытнинской площади в Петербурге. На площади собралось несколько тысяч человек. Из толпы, в которой было много сочувствующих Чернышевскому, на эшафот бросали цветы. Возмущение и протест русской демократии против расправы с величайшим учёным и революционером были выражены Герценом, назвавшим в «Колоколе» царское правительство «шайкой разбойников и негодяев»: «Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа, а вы, а Россия сколько лет останетесь привязанными к нему?» Чернышевский около 20 лет томился в нерчинских каторжных тюрьмах и вилюйском остроге (в 1883 г. он был возвращён в Европейскую Россию, в 1889 г. умер в Саратове).

Но и в тюрьме и на каторге Чернышевский оставался борцом за революционное дело.

Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». В Петропавловской крепости, в Алексеевском равелине, Чернышевский написал свой знаменитый революционный роман «Что делать?», ставший манифестом революционного молодого поколения. Это был роман о разночинцах, о «новых людях» эпохи Чернышевского. Роман звал молодое поколение на революционную борьбу, указывал пути к ней. В герое романа Рахметове Чернышевский впервые вывел в русской литературе новый для того времени тип революционера — несгибаемого, сурового и последовательного, всецело сосредоточенного на революционной работе. Этот образ звал молодёжь серьёзно готовиться к революционной борьбе, отдавать ей все свои силы, не боясь ни страданий, ни лишений. В романе, в «снах» Веры Павловны, рисовалось светлое социалистическое будущее революционной страны. В романе проведена мысль о необходимости устройства «производительных ассоциаций» (описывались устроенные на артельных началах швейные мастерские). Весь роман Чернышевского пронизан призывом к борьбе за освобождение женщины, за уничтожение угнетённого и приниженного положения женщины в эксплоататорском обществе, за полное и широкое, равное с мужчиной, участие женщины в общественной жизни.

Роман Чернышевского сыграл огромную роль в революционном движении. Молодежь искала в романе программы своей деятельности,— писал современник. «Мы читали роман чуть не коленопреклонённо, с таким благочестием, какое не допускает ни малейшей улыбки на устах, с каким читают богослужебные книги. Влияние романа было колоссально на наше общество. Он сыграл великую роль в русской жизни, всю передовую интеллигенцию направив на путь социализма». Эта книга Чернышевского оказала влияние и на революционное движение в других странах, например в Болгарии.

Тайная организация «Земля и воля». «Казанский заговор». В то время, когда реакция уже перешла в наступление, но победа её не вполне еще определилась и расчёты на близость революционного взрыва ещё не были исчерпаны, возникла и развилась самая значительная из тайных революционных организаций 60-х годов «Земля и воля» (не смешивать с «Землей и волей» 70-х годов). Это была первая после разгрома декабристов крупная революционная конспиративная организация.

В 1861 г. в «Колоколе» была опубликована Н. Огарёвым статья-воззвание «Что нужно народу». «Народу нужна земля да воля», — такой ответ давался на вопрос, поставленный в заглавии. Эта статья, написанная Огарёвым при участии Н. Обручева и Н. Серно-Соловьевича, явилась проектом политической платформы будущей организации «Земля и воля» (она возникла в 1862 г.).

В руководящий центр организации входили братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, Н. Н. Обручев, А. А. Слепцов и В. С. Курочкин (известный поэт-сатирик и переводчик). В курсе работы центра находился до своего ареста и Чернышевский, не входивший, однако, формально в состав организации. Одновременно с арестом Чернышевского новое общество потеряло и братьев Серно-Соловьевичей (Н. А. был арестован и сослан, А. А. стал эмигрантом), которых заменили редактор «Русского слова» Г. Е. Благосветлов и Н. И. Утин, один из главных руководителей студенческих волнений 1861 г. С конца 1862 г. «центр» стал называться «Русским центральным народным комитетом».

«Земля и воля» имела связи преимущественно среди студенчества и офицерства. Отделы и комитеты её, кроме Петербурга, существовали в Москве, Казани, Саратове и других городах. В феврале и июле 1863 г. вышли два номера «Свободы», органа «Земли и воли», позволяющие судить о политической позиции землевольцев. «Свобода» видела ис-

точник всех бедствий русского народа в самодержавном деспотизме. «Уродливые попытки разных реформ», по её словам, только нагляднее показали несостоятельность самодержавия, которое по «самому принципу» не могло удовлетворить общественных потребностей. «Свобода» признавала неизбежность революции в России. При жестокости и тупоумии правительства восстание «ограбленного и подавленного народа» должно было получить «исполинские размеры кровавой драмы», если передовая часть «образованных классов» не станет на сторону народа и «не обессилит тем самым окончательно правительство». «Свобода» призывала всех граждан «на служение великому делу народного освобождения», торжество которого должно было выразиться прежде всего в созыве народного собрания для определения «нового общественного строя». Аграрная программа организации была изложена в прокламации Огарёва: она требовала передачи крестьянам всей находившейся в их пользовании земли с прирезкой за счёт земли помещичьей. Выкуп земли возлагался на государство.

В конце 1862 г. «Земля и воля» вступила в переговоры по вопросу о совместных действиях с польскими революционерами, в тот момент готовившими польское восстание 1863 г. Но, чувствуя себя слишком слабой, «Земля и воля» не могла принять на себя какие-либо обязательства. Когда восстание в Польше началось, «Земля и воля» поддержала его несколькими печатными прокламациями.

Только русские офицерские революционные кружки, примыкавшие к «Земле и воле», приняли непосредственное участие в польском восстании, во время которого погиб руководитель революционной офицерской организации Андрей Потебня.

Представители польских революционеров сделали попытку самостоятельной организации восстания народных масс в России. Они намеревались достигнуть этого при помощи подложного царского манифеста, призывавшего крестьян к захвату всех помещичьих и государственных земель. Местом своей работы они выбрали, между прочим, Казанскую губернию и заручились поддержкой некоторых офицеров казанского гарнизона и кружка местной студенческой молодёжи, связанной с казанским комитетом «Земли и воли» (кружок этот в данном случае действовал против решения своей организации). Возник так называемый «Казанский заговор», который, однако, был раскрыт правительством раньше, чем заговорщикам удалось приступить к реализации своих планов. Главные организаторы «Казанского

заговора» — Кеневич и офицер Черняк, а также офицеры Иваницкий, Мрочек и Станкевич — были расстреляны.

Неудача первого демократического натиска. После разгрома польского восстания силы революционного лагеря, и без того еще очень скромные, потерпели серьёзный ущерб. Революционная ситуация, создавшаяся на рубеже 50—60-х годов, угасала; был заметен спад волны революционных настроений. Взрыв шовинизма и дальнейшее поправение общественного мнения укрепили позиции правительства и позволили ему ещё с большей настойчивостью проводить реакционный курс. «Польский мятеж и в особенности дипломатический поход, предпринятый по этому поводу против России европейскими державами, — с удовлетворением докладывал царю министр внутренних дел Валуев, — произвели в общем направлении умов второй переворот, ещё более благоприятный, чем тот, который был последствием петербургских пожаров». Надежды русских революционеров на массовое крестьянское восстание в 1863 г. не оправдались. Кривая крестьянских волнений после 1863 г. резко упала: в 1864 г. было всего 75 волнений, в 1865 г. — 93, в 1866 г. — 70 (за 1867 г. сведений нет), в 1868 г. — 54, в 1869 г. — 53 волнения.

Обстановка, сложившаяся после 1863 г., была мало благоприятна для «Земли и воли». Её деятельность постепенно замирала, и в 1864 г. организация окончательно прекратила своё существование.

К концу 1863 г. стало вполне ясно, что первый крупный демократический натиск потерпел неудачу. Крестьянские волнения, при забитости и разобщённости деревенской массы и при отсутствии пролетариата на политической арене, не смогли подняться до уровня сколько-нибудь организованного и сознательного политического движения. Либеральные круги, не проявляя с самого начала твёрдости и последовательности в своей оппозиции, шарахнулись вправо и фактически поддержали борьбу правительства против революционеров. Революционные организации, пока ещё слишком слабые и недостаточно опытные в нелегальной борьбе, не имели прямой и непосредственной опоры в народе, стихийное движение которого протекало вне связи с этими организациями и помимо какого-либо руководства с их стороны. При этих неблагоприятных для успеха революционного движения условиях правительство в конце концов сумело остаться хозяином положения.

Но революционное движение периода крестьянской реформы отнюдь не прошло бесследно. Ленин писал впослед-

ствии, в связи с 50-летием реформы 19 февраля 1861 г.: «Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов» (Соч., т. XV, стр. 147).

Демократическое движение в середине 1860-х годов. Упадок демократического движения после 1863 г. вовсе не означал его полного прекращения. Демократическое движение продолжалось, находя в особенности значительное и важное выражение в литературе и журналистике. Журналы «Современник» и «Русское слово» (издание которых возобновилось в 1863 г.) вели широкую пропаганду прогрессивных демократических идей, борясь против всех попыток идеологического наступления со стороны реакции. В этой борьбе после смерти Добролюбова (ноябрь 1861 г.) и ареста Чернышевского (1862 г.) особенно ярко проявил себя талантливый критик и публицист демократического лагеря Д. И. Писарев. Хотя его взгляды и пропаганда представляли собою отчасти шаг назад в сравнении с деятельностью Чернышевского и Добролюбова (в выступлениях Д. И. Писарева проявлялись колебания и отдельные противоречия, особенно в вопросах о неизбежности революционного пути преобразования общества и решающем значении масс в общественной борьбе), всё же Писаревым было сделано много в деле борьбы с идейной реакцией. В своих теоретических и публицистических статьях он выступал с обличением крепостнического уклада и его пережитков, с пламенной защитой человеческих прав. Писарев стремился возбудить и усилить внимание передовой интеллигенции к положению трудящихся масс. Писарев энергично поддерживал и развивал интерес к просвещению, к науке (особенно к естествознанию). Писарев был горячим проповедником естественно-научного материализма и одним из первых русских пропагандистов учения Дарвина.

Не прекратилась в те же годы и подпольная деятельность отдельных революционных кружков. В период 1864—1866 гг. наиболее известен московский кружок молодой интеллигенции, группировавшийся около Н. А. Ишутина (так называемые ишутинцы). Члены этого кружка стремились следовать указаниям Чернышевского, но воспринимали не сильнейшие стороны учения великого писателя-революционера, а наиболее слабые, его утопические идеи.

Упадок массового демократического движения и усиление реакционной, репрессивной деятельности правительства повлияли на направление московского кружка Н. А. Ишутина, придав ему заговорщический и частью террористический характер. Из среды ишутинцев вышел Дм. Каракозов, покушавшийся 4 апреля 1866 г. на Александра II. Это покушение, вызвавшее разгром всей организации ишутинцев, послужило предлогом для нового похода против всей прогрессивной печати (было запрещено издание «Современника» и «Русского слова») и вообще самого крайнего усиления реакционного курса правительства Александра II.

4. РЕФОРМЫ 1863—1874 гг.

Отмена крепостного права неминуемо должна была повлечь за собой ряд других преобразований, в первую очередь в области администрации и суда. Невозможность сохранить в нетронутом виде старый административный и судебный аппарат становилась ясной самому царизму. Ещё острее его непригодность сознавалась общественными кругами. Уже начиная с Крымской войны общественные круги, даже очень умеренные, побуждали правительство к проведению различных реформ. Помимо требований преобразования администрации и суда, выдвигались задачи преобразования армии, улучшения и оздоровления финансов и т. д. В общественных кругах раздавались требования большего простора для выражения общественного мнения, разрешения «печатной гласности». Выдвигались задачи популяризации знаний, развития просвещения. На последнем настаивали не только демократические элементы общества, боровшиеся за коренное переустройство страны и рассматривавшие вопросы науки и просвещения в свете общих революционных задач, но и либеральные и даже некоторые консервативно-либеральные круги (известно, что политический подъём 50—60-х годов сопровождался большим подъёмом в области культуры и крупным просветительно-педагогическим движением, с которым в той либо иной мере вынуждено было считаться правительство). Так определился тот круг минимальных преобразований, которые правительство Александра II должно было провести во что бы то ни стало. Революционная ситуация, сложившаяся в стране в конце 50-х и в начале 60-х годов, вынудила правительство приступить к таким реформам.

Земская реформа. Одной из главных реформ 60-х годов было создание земских учреждений, которые должны были

заниматься делами местного хозяйства. В 1859 г. была учреждена особая комиссия под председательством Н. А. Милютина для разработки законопроекта о «хозяйственно-распорядительном управлении в уезде». Довести реформу до конца Милютину не удалось, в апреле 1861 г. под давлением реакционной придворной клики Милютин был уволен как «либерал». Министром внутренних дел был назначен П. А. Валуев, который стал и председателем комиссии. Небывалый размах крестьянских волнений, усиление революционного движения в Польше, деятельность революционных кружков, студенческие волнения, рост конституционных притязаний в среде дворянства — всё это заставляло правительство итти на некоторые уступки либералам. Земская реформа, толковавшаяся ими как первый шаг к конституции, должна была привлечь либералов на сторону правительства в борьбе с угрозой революции. «Земство, — писал Ленин, — кусочек конституции. Пусть так. Но это именно такой кусочек, посредством которого русское «общество» **отманивали** от конституции. Это — именно такая, сравнительно очень маловажная, позиция, которую самодержавие уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главные позиции, чтобы разделить и разъединить тех, кто требовал преобразований политических» (Соч., т. IV, стр. 152).

1 января 1864 г. выработанный комиссией проект «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» был утверждён Александром II.

На этом первоначально не предполагали остановиться: одновременно с разработкой Положения о земских учреждениях Валуеву было поручено заняться вопросом «о допущении представителей населения к участию в законодательстве». В ноябре 1863 г. он представил Александру II проект «нового учреждения Государственного совета», согласно которому предполагалось организовать «съезд государственных гласных» из представителей губернских земств и городов при Государственном совете. Съезд должен был созываться раз в год для предварительного обсуждения некоторых законодательных вопросов перед внесением их в Государственный совет. Ни в какой мере не ограничивая самодержавной власти, валуевский проект старался в известной степени удовлетворить стремление дворянства «к некоторому участию в делах законодательства и общего государственного хозяйства». Но пока Валуев разрабатывал свой проект, надобность в нём уже миновала, так как политическая ситуация успела измениться: крестьянское движение явно шло на убыль, восстание в Литве и Белорус-

сии было подавлено, близилась ликвидация восстания и в Царстве Польском, революционные кружки начала 60-х годов были разгромлены и руководители их арестованы, оппозиционные настроения в дворянских кругах стали быстро выветриваться. В результате Александр II признал валуевский проект требующим «зрелого обсуждения», иначе говоря, отложил его проведение в жизнь и решил ограничиться реформой местного самоуправления.

Земские учреждения создавались как учреждения выборные. Распорядительные органы земства — уездные и губернские земские собрания, избиравшиеся на трехлетний срок, созывались раз в год на несколько дней. Общее число уездных «гласных» колебалось по разным уездам от 10 до 96, губернских — от 15 до 100 по разным губерниям. Исполнительными, постоянно действовавшими органами земских собраний были уездные и губернские земские управы. Выборы в уездные земские собрания основывались на буржуазном принципе имущественного ценза. Но одной из задач земской реформы было «вознаградить дворян за потерю помещичьей власти», предоставив им «первенство в хозяйственной администрации». Избирательная система была устроена таким образом, что при формальной бессословности земских выборов фактическое преобладание было обеспечено за дворянским сословием.

Выборы производились на трёх избирательных съездах: уездных землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских (крестьянских) обществ. В съезде уездных землевладельцев участвовали все владельцы земель определённого законом размера, независимо от их сословной принадлежности, а также владельцы других недвижимых имуществ, торговых и промышленных предприятий определённого размера, находящихся в уезде. В городских избирательных съездах участвовали владельцы определённого размера торговых и промышленных предприятий и недвижимых имуществ, находящихся в пределах города. Избирательные съезды для выборов гласных от сельских обществ состояли из выборщиков, избиравшихся на волостных сходах. Число уездных гласных от каждой курии было установлено с таким расчётом, что в подавляющем большинстве уездов преобладание было обеспечено за курией землевладельцев, т. е. фактически за дворянами. По данным 1865—1867 гг., в 29 губерниях, в которых к этому времени было введено земство, среди уездных гласных было 41,7% дворян и чиновников, 38,4% крестьян, 10,4% купцов и 9,5% прочих сословий.

Губернские гласные избирались на уездных земских собраниях (из расчёта 1 губернский гласный на 6 уездных). В губернских земских собраниях преобладание дворян и чиновников было ещё больше; их было, по тем же данным, 74,2%, тогда как крестьян было 10,6%, купцов — 10,9%, прочих — 4,3%.

Ещё большее преобладание дворян было в земских управах, избиравшихся (также на три года) соответствующими земскими собраниями: по данным 1886 г., в уездных управах дворян и чиновников было 55,5%, крестьян — 30,9%; в губернских управах дворян и чиновников — 89,5%, крестьян — 1,5%.

Председателем земского собрания по должности состоял предводитель дворянства, в уездном собрании — уездный, в губернском — губернский.

Обеспечив преобладание в земстве дворянского сословия, правительство крепостников не передало новым учреждениям хотя бы части действительной власти на местах, так как не доверяло общественным силам, хотя бы даже и дворянским, и боялось общественной самодеятельности. Компетенция земства была строго ограничена узкими пределами чисто хозяйственных «польз и нужд» данной губернии или уезда: пути сообщения местного значения, народное продовольствие, общественное призрение, взаимное страхование, борьба с падежом скота и с вредителями сельского хозяйства, попечение о местной торговле и промышленности, попечение о народном образовании (преимущественно в хозяйственном отношении), о народном здравии, о тюрьмах, арестных домах и пр.

Правительство поставило земство под контроль власти в лице губернатора и министра внутренних дел, которым было предоставлено право приостанавливать исполнение всякого постановления земских собраний, «противного законам или общим государственным пользам». Постановления земских собраний по некоторым вопросам нуждались и в формальном утверждении губернатора или министра внутренних дел. Председатель уездной управы утверждался в должности губернатором, а председатель губернской управы — министром.

Земские учреждения сами не обладали административной властью. Они не имели возможности приводить в исполнение свои постановления через зависимые от них органы, а должны были действовать через полицию.

«...Земство, — писал Ленин, — с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге рус-

ского государственного управления, колесом, **допускаемым** бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством... И, сделав такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика **не могла** ужиться с выборным всесословным представительством и принялась всячески травить его» (Соч., т. IV, стр. 131).

Компетенция земства с течением времени всё более суживалась. Законом 21 ноября 1866 г. было крайне стеснено право земских собраний облагать торговые и промышленные предприятия. Сенатское разъяснение 4 мая 1867 г. признало незаконными сношения земств различных губерний между собой. В том же году земствам было запрещено печатать без разрешения губернатора свои постановления и отчёты о заседаниях; председатель земских собраний имел право закрывать их в случае «нарушения порядка» или нежелательного направления прений. Многочисленные ходатайства земств обычно не имели успеха: из 2039 ходатайств за время с 1865 по 1879 г. более 55% было отклонено, многие же ходатайства были оставлены совсем без ответа.

Земские учреждения вводились постепенно. К концу 70-х годов они были введены лишь в 35 губерниях Европейской России. Остались без земства Архангельская, Астраханская и Оренбургская губернии, где было слабо развито помещичье землевладение, Польша, Литва, Белоруссия и Правобережная Украина, где частное землевладение было сосредоточено преимущественно в руках польского дворянства, и Прибалтийский край, где были сохранены старые органы местного самоуправления, находившиеся в руках немецких баронов. Не получили земства Сибирь, Кавказ, Казахстан и только что завоёванные владения в Средней Азии.

Городская реформа. На тех же началах, что и земское самоуправление, было реформировано через несколько лет самоуправление городское.

По городовому положению 16 июня 1870 г. городские думы (введённые еще Екатериной II), составлявшиеся из депутатов от сословных групп, были заменены бессословными городскими думами, «гласные» (члены) которых избирались (на четыре года) на основе имущественного ценза. Общее число гласных колебалось по разным городам от 30 до 72; в Москве число гласных было 180, в Петербурге —

250. Городская дума избирала городскую управу, состоявшую из головы и двух или более членов.

В выборах гласных думы участвовали все плательщики городских налогов, причём они разделялись на три избирательных собрания: в первом собрании участвовали наиболее крупные плательщики, уплачивавшие третью часть общей суммы налогов; во втором собрании — средние плательщики, также уплачивавшие в общей сложности одну треть налогов; в третьем собрании — все остальные. Каждое собрание избирало третью часть общего числа гласных. Таким образом, в думах и избираемых ими городских управах обеспечивалось преобладание наиболее крупных плательщиков городских налогов, т. е. наиболее крупной (в масштабе данного города) буржуазии. В Москве, например, две первые курии, избиравшие $^{2}/_{3}$ гласных, составляли всего 13% общего числа избирателей, а в Саратове даже только 8%.

Компетенция городского самоуправления, как и земского, была ограничена узкими рамками чисто хозяйственных вопросов: внешнее благоустройство города, устройство рынков и базаров, попечение о местной торговле и промышленности, о здравоохранении и народном образовании (также преимущественно в хозяйственном отношении), меры предосторожности против пожаров и пр. Административной властью для исполнения своих постановлений городские учреждения не обладали. Как и земство, они были подчинены надзору губернатора и министра внутренних дел. Городские головы губернских городов утверждались в должности министром, головы других городов — губернатором. Словом, городское самоуправление, как и земское, было не местным органом власти, а лишь подсобным органом правительства по вопросам местного хозяйства.

В течение 70-х годов новое городовое положение было введено во всей России, за исключением Польши и Финляндии (где было сохранено прежнее городское устройство) и только что завоёванных районов Средней Азии.

При всей своей половинчатости реформа местного самоуправления всё же была шагом вперёд: новые земские и городские учреждения существенно отличались от старых, чисто сословных и сословно-бюрократических органов. Лежавший в основе выборов имущественный ценз давал возможность поднимающемуся классу — буржуазии — влиять на местное самоуправление в городских думах и отчасти также в земских собраниях. Заседания городских дум и земских собраний были публичными, и отчёты о них печатались в газетах, так что их деятельность подвергалась некоторому об-

щественному контролю. Таким образом, новые органы самоуправления в гораздо большей степени соответствовали потребностям капиталистического развития страны, чем екатерининские городские думы.

Судебная реформа. Наиболее последовательной из буржуазных реформ 60-х годов была судебная реформа. Несоответствие старого суда новым требованиям, выдвинутым развитием капиталистических отношений, ощущалось не только в общественных, но и в правительственных кругах еще в царствование Николая I. В 1861 г. правительство решило отказаться от практиковавшейся ранее системы частичных поправок и поставить вопрос в полном объёме. Осенью 1861 г. Александр II поручил государственной канцелярии с участием известных юристов разработать «основные положения» нового судоустройства и судопроизводства. Эти положения, утверждённые Александром II в сентябре 1862 г., были опубликованы для всеобщего сведения и разосланы для отзыва в судебные учреждения и университеты. На основе этих положений, с учётом полученных отзывов, был выработан проект новых судебных уставов, получивший утверждение Александра II 20 ноября 1864 г.

В основу судебных уставов 1864 г. были положены принципы, лежавшие в основе суда буржуазных государств Западной Европы и Америки. Старые сословные суды, сохранившиеся со времени Екатерины, были заменены судебными учреждениями, общими для лиц всех сословий. Это было шагом вперёд.

В каждом судебном округе был учреждён окружной суд, решения которого, принятые с участием присяжных заседателей, считались окончательными, т. е. не подлежали обжалованию по существу. Решения же суда, принятые без участия присяжных заседателей, могли быть обжалованы в судебную палату (округ судебной палаты охватывал несколько судебных округов), решения которой считались окончательными. Решения судебных палат, так же как и решения окружных судов с участием присяжных заседателей, можно было обжаловать только в кассационном порядке, т. е. лишь в случае нарушения законного порядка судопроизводства. Кассационной инстанцией являлся Сенат; в случае отмены им решения суда дело поступало на вторичное рассмотрение того же или другого суда.

Мелкие проступки и правонарушения и мелкие гражданские иски рассматривались мировыми судьями при упрощённом порядке судопроизводства. Высшей инстанцией по отношению к мировому судье был съезд мировых судей все-

го уезда. Ограничение количества судебных инстанций преследовало цель устранения бесконечной судебной волокиты, характерной для дореформенного суда.

Предварительное следствие по уголовным делам, находившееся ранее в руках полиции, передано было особым чиновникам судебного ведомства — судебным следователям. Для засвидетельствования всякого рода актов были учреждены особые должности нотариусов. Наконец, для оказания юридической помощи нуждающимся в этом лицам был создан институт присяжных поверенных, адвокатов, не состоящих на государственной службе, но действовавших под контролем судебных палат. Для вступления в присяжные поверенные нужно было иметь высшее юридическое образование и обладать пятилетним стажем судебной практики.

Судебные уставы имели целью обеспечение правильности самого процесса судопроизводства в смысле соответствия его существующим законам. Этой цели должна была служить независимость суда от администрации; предполагалось, что независимость обеспечивалась несменяемостью судей: председатели и члены судебных палат и окружных судов, мировые судьи и судебные следователи не подлежали увольнению и даже временному отстранению от должности в административном порядке; они могли быть отстранены только в случае привлечения к суду по обвинению в уголовном преступлении, а смещены лишь по приговору уголовного суда. С той же целью введена была гласность судопроизводства; в противоположность дореформенному суду, где дела решались в тиши канцелярий, в новых судах судебный процесс совершался при открытых дверях, в присутствии публики. Отчёты о судебных заседаниях печатались в газетах. Введено было также участие сторон в судебном процессе; тяжущиеся стороны могли или сами непосредственно выступать на суде или поручать своё дело присяжным поверенным. Состязательный процесс применялся также и в уголовных делах; обвинителем выступал прокурор или товарищ прокурора, а обвиняемый имел право защищаться лично или пригласить защитника. В дореформенном же суде дело велось без участия заинтересованных лиц, заочно, путём канцелярской переписки.

Применён был частично также принцип выборности судей: мировые судьи избирались уездными земскими собраниями, а в Петербурге и Москве — городскими думами из лиц, обладавших определённым имущественным цензом; в уездах в мировые судьи попадали главным образом местные помещики. Председатель мирового съезда выбирался мировыми

судьями уезда из своей среды (в губерниях, не имевших земства, мировые судьи и председатели мировых съездов назначались администрацией). В окружных судах введён был институт присяжных заседателей из населения. Присяжные заседатели, назначаемые по жребию в количестве 12 человек для рассмотрения каждого дела, решали вопрос о виновности или невиновности подсудимого в уголовных делах (гражданские дела рассматривались без участия присяжных); после решения присяжных состав суда (председатель и два члена), в зависимости от вынесенного присяжными вердикта, определял степень наказания или освобождал подсудимого. Присяжные должны были обладать известным имущественным или служебным цензом или иметь известного размера доход; кроме того, они должны были удовлетворять цензу оседлости — прожить не менее двух лет в пределах уезда.

Но все эти буржуазные принципы были применены неполностью, от них был сделан ряд отступлений. Был сохранён сословный крестьянский волостной суд, учреждённый общим Положением 19 февраля 1861 г. По мелким уголовным и гражданским делам крестьяне судились в своём волостном суде. Притом волостной суд судил не на основании общих для всего населения имперских законов, а на основании местных крестьянских обычаев.

Сохранились особые суды для духовенства: духовные лица подлежали суду духовной консистории не только за нарушение церковных правил, но и по таким делам, как клевета, оскорбление словом или действием, несоблюдение обязательств и пр. Военные суды также судили военных не только за нарушение воинского устава, но и за некоторые правонарушения общего порядка. Изъятия были сделаны и для чиновников, совершивших преступление по должности. В этих случаях чиновники могли быть преданы суду только по постановлению своего начальства и судились в исключительном порядке разными судебными учреждениями в зависимости от своего чина и служебного положения.

В особом порядке разбирались дела по «преступлениям» политическим: они рассматривались судебными палатами или верховным уголовным судом, причём в судебных палатах вместо присяжных заседали подобранные сословные представители — губернский и уездный предводители дворянства, городской голова и волостной старшина. Законом 12 декабря 1866 г. было изъято из окружных судов и передано судебным палатам также судопроизводство по делам печати.

В 1871 г. производство дознаний по политическим делам было передано жандармерии, причём по соглашению министра юстиции с шефом жандармов при недостатке улик для обвинительного приговора могло быть испрошено высочайшее повеление о решении дела без суда, в административном порядке. Практика административного разрешения политических дел получила самое широкое применение. По закону 1872 г. более значительные политические дела должны были рассматриваться не судебными палатами, а особым присутствием Сената. В 1878 г. последовало высочайшее повеление о передаче значительной части дел политического характера военному суду для применения к ним законов военного времени.

Закон 1872 г. ограничивал публичность судебных заседаний. Большинство политических процессов, которыми богато было царствование Александра II, фактически слушалось при закрытых дверях. Да и вообще гарантии «правосудия» по отношению к обвиняемым в «государственных преступлениях» соблюдались в минимальной степени и более по форме, чем по существу.

Независимость суда от администрации отнюдь не обеспечивалась несменяемостью судей, потому что для чиновников судебного ведомства сохранены были награды, чины и ордена. Было и ещё одно орудие давления — право перемещения судебных чиновников; правда, председатель или член окружного суда или судебной палаты мог быть перемещён только с его согласия, но кто же не согласился бы переехать из глухого медвежьего угла в крупный центр, заслужив милость начальства? Судебный же следователь и против своего желания мог быть перемещён из столицы или крупного губернского города в захолустье. С 1867 г. вошло в обыкновение назначать вместо следователей «исправляющих должность следователя» чиновников, на которых несменяемость не распространялась. Несколько раньше, летом 1866 г., судебные чиновники были поставлены в зависимость и от общей администрации: им предписано было являться к губернатору по его вызову, «подчиняться его законным требованиям» и «оказывать ему должное уважение».

Таким образом, и судебная реформа сохранила немало элементов крепостнического порядка, весьма усиленных еще последовавшими тотчас же за ней дополнительными узаконениями.

Но всё же, несмотря на все эти отступления, новый суд резко отличался от дореформенного суда с его канцелярской тайной и колоссальным, почти открытым взяточниче-

ством, бесконечной волокитой по инстанциям, отсутствием адвокатуры и произволом администрации (губернатор, например, мог остановить любое решение суда и передать дело на новое рассмотрение). Судебные уставы, однако, были введены далеко не везде: они не были введены в Средней Азии и Сибири, а также на северной и юго-восточной окраинах Европейской России. В Польше, Прибалтике и на Кавказе окружные суды решали все дела без участия присяжных заседателей.

Отмена телесных наказаний. Еще в марте 1861 г. Александру II была представлена записка об отмене телесных наказаний. Вопрос был передан на рассмотрение особого комитета. Несмотря на энергичное противодействие министра юстиции графа Панина и автора «православного катехизиса», московского митрополита Филарета, выработанный комитетом проект закона был принят Государственным советом и 17 апреля 1863 г. утверждён Александром II. Совершенно отменялись варварские наказания шпицрутенами, плетьми и кошками (плеть с многими хвостами из смоленой пеньки) по приговорам гражданских и военных судов. Отменялось также наложение клейм и штемпельных знаков на лицо. Розги оставлялись как замена тюремного заключения или ареста в случаях «явной невозможности» осуществить это наказание. Женщины от телесного наказания освобождались совсем. Но и эта реформа остановилась на полдороге. В неприкосновенности сохранилась розга для крестьян по приговорам волостных судов. Розги также были сохранены для «нижних чинов», переведенных в разряд штрафованных. Сохранены были розги для ссыльных и каторжных (даже для женщин) и для заключённых в арестантские отделения. Для каторжан и ссыльно-поселенцев оставлены были и шпицрутены, заменённые через полгода плетьми.

Финансовые реформы. Ряд реформ буржуазного характера был проведён в области финансов. Указом 21 мая 1860 г. «для оживления промышленности и торговли» был учреждён Государственный банк. В том же году был издан закон об отмене характерной для феодально-крепостнического государства системы винных откупов и о замене её акцизной системой. Продажа вина становилась повсеместно свободной, но выпускаемое в продажу вино облагалось акцизным сбором[1]. Акцизная система вводилась в действие с 1 января 1863 г.

[1] Акцизный сбор — косвенный государственный налог. Обычно промышленниками и торговцами включается в цену товара и таким образом перелагается на потребителя.

В 1862 г. внесён был порядок в составление смет отдельными ведомствами и в расходование ими ассигнуемых им средств; составляемые ими сметы проводились через министерство финансов и Государственный совет; расходование средств должно было производиться согласно утверждённым сметам. С этого же времени роспись государственных доходов и расходов стала ежегодно публиковаться для всеобщего сведения. Указом 1864 г. преобразован был государственный контроль, во главе которого стал инициатор финансовых реформ этого времени В. А. Татаринов. Во всех губерниях были учреждены контрольные палаты, проверявшие ежемесячно расходы всех местных учреждений со стороны их законности и целесообразности, причём они подчинялись непосредственно государственному контролёру. С 1868 г. годичные отчёты государственного контролёра об исполнении росписи также печатались для всеобщего сведения.

Но рядом с этими мероприятиями буржуазного характера сохранена была подушная подать, введённая еще при Петре, и носившая ярко сословный характер: ей подлежали лишь так называемые «податные» сословия, т. е. крестьяне, мещане и ремесленники; дворянство было попрежнему свободно от личных податей, а купечество платило вместо подушной подати гильдейский сбор, соответствовавший размерам объявленного капитала.

Цензурная реформа. Еще в 1857 г. правительством был поставлен на очередь вопрос о пересмотре цензурного устава, но дело очень затянулось. Только 6 апреля 1865 г. проект нового цензурного устава, выработанный особой комиссией при министерстве внутренних дел, был утверждён в качестве «временных правил», сохранивших, однако, свою силу вплоть до 1905 г. Временными правилами 6 апреля отменялась предварительная цензура для книг более или менее значительного размера (не менее 10 листов для оригинальных сочинений и 20 листов для переводных). Но для небольших книг и брошюр, т. е. для литературы, рассчитанной преимущественно на массовое распространение, предварительная цензура сохранялась. Периодические издания также могли освобождаться от предварительной цензуры, но с особого разрешения министра внутренних дел и с представлением довольно значительного денежного залога. За нарушение закона издания, освобождённые от предварительной цензуры, подлежали ответственности в судебном порядке. Периодические издания могли подвергаться, кроме того, и административному воздействию в виде «предостереже-

ний», временной приостановки (до 6 месяцев) и даже совершенного прекращения издания. Наконец, новые правила распространялись только на столицы, по отношению же к провинции предварительная цензура сохраняла прежнюю силу. Сохранена была также специальная духовная цензура. Таким образом, сделав некоторые незначительные уступки буржуазной свободе печати, правительство крепостников удержало в своих руках множество средств воздействия на печатное слово с целью преследования и подавления прогрессивной литературы и журналистики.

Но и этого правительству показалось мало. Законом 12 декабря 1866 г. большая часть дел о печати была изъята из ведения окружных судов и передана в судебные палаты. В 1868 г. министру внутренних дел было предоставлено право запрещать розничную продажу газет. В 1872 г. ему же было предоставлено право передавать вопрос о запрещении выпуска в свет произведения печати, признанного им «особенно вредным», не в суд, а в комитет министров, причём виновные лица могли быть всё-таки привлечены к судебной ответственности В силу закона от 1873 г. редакторы периодических изданий под угрозой приостановки издания не должны были касаться тех вопросов, обсуждение которых в печати признавалось правительством «неудобным».

По весьма неполным данным, первое же пятилетие после цензурной реформы 1865 г. принесло печати 60 административных взысканий, второе — более 100, третье — свыше 160.

Реформы в области народного образования. Еще Редакционные комиссии, созданные для подготовки и отмены крепостного права, высказывались о «настоятельной необходимости учреждения повсеместно сельских училищ», надеясь, что распространение грамотности «предупредит безотчётное увлечение несбыточными ожиданиями и слепую веру, с которой принимаются часто самые неосновательные слухи». Неизбежно связанный с буржуазными реформами вопрос о народном образовании правительство с самого начала стремилось поставить на службу «охранительным началам». Разработка этого вопроса заняла несколько лет; наконец, 14 июля 1864 г. Александром II было утверждено «Положение о начальных народных училищах». Право открытия и содержания школ предоставлено было общественным учреждениям и частным лицам с соответствующего, однако, разрешения. Руководство учебной частью школ передавалось губернским и уездным училищным советам. Уездный совет состоял из представителей ведомств с уча-

стием двух представителей от уездного земского собрания. Председатель уездного училищного совета избирался из состава членов совета. В губернском же совете, который состоял из губернатора, архиерея, директора училищ и двух представителей от губернского земского собрания, председательствовал архиерей. Последнее вполне «гармонировало» с задачами школы, как они формулировались Положением: целью школы признавалось не только «распространение первоначальных полезных знаний», но и «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий». В соответствии с этим определялось и содержание учебного курса: «закон божий», чтение гражданской и церковной печати, письмо, четыре правила арифметики и церковное пение. Преподавание должно было производиться повсюду только на русском языке. В этом проявлялась насильственная руссификаторская политика правительства, направленная к национальному угнетению нерусских народов.

18 ноября того же, 1864, года был утверждён новый устав гимназий; он вводил в среднюю школу буржуазный принцип равенства прав на образование для всех имеющих возможность внести установленную плату за учение. В гимназию могли приниматься дети лиц «всех состояний, без различия звания и вероисповедания». Гимназии предусматривались двух типов — классические и реальные; и те и другие — семиклассные; в первых преподавались латинский и греческий языки; во вторых древних языков не было, но был увеличен объём курса математики и естествознания. Окончившие классическую гимназию имели право поступать без экзамена в университет; окончание реальной гимназии давало право поступления только в высшие технические учебные заведения.

Произошёл сдвиг и в области женского образования. «Ведомство учреждений императрицы Марии» наряду с закрытыми женскими учебными заведениями — «институтами благородных девиц» — еще с 1858 г. начало открывать женские гимназии для приходящих, куда принимались дети лиц всех свободных сословий. В том же, 1858, году было издано «Положение об училищах для девиц» министерства народного просвещения, переименованных позднее также в женские гимназии. В 1862 г. были утверждены уставы женских учебных заведений обоих ведомств. Объем курса женских гимназий как «мариинских», так и министерских (те и другие были семиклассные), был значительно меньше курса мужских гимназий как классических, так и реальных; целью женской школы признавалась лишь степень образова-

ния, которая необходима преимущественно для «будущей матери семейства».

Ещё в самом начале царствования Александра II был поставлен вопрос о пересмотре университетского устава 1835 г. Новый устав 1863 г. восстанавливал автономию профессорской коллегии. Руководство жизнью университета принадлежало университетскому совету профессоров; управление факультетами находилось в руках факультетских советов. Ректор университета и деканы факультетов избирались профессорской коллегией; путём выборов замещались также должности профессоров и других преподавателей. Министерству, однако, было предоставлено право утверждения избранных советом профессоров и других должностных лиц и даже право назначения профессоров по своему усмотрению. Некоторые решения университетского совета подлежали утверждению попечителя округа или министра; попечитель мог также приостановить всякое решение совета, если находил его несогласным с уставом. Студенты не получали никаких корпоративных прав и подлежали профессорскому дисциплинарному суду, избираемому советом. Женщины в университеты не допускались.

Новый университетский устав сложился под непосредственным впечатлением студенческого движения 1861 г.; он должен был удовлетворить требования либеральной профессуры и обеспечить её содействие в борьбе с революционным движением студенчества.

Но и эти чрезвычайно скромные реформы были вскоре урезаны. Началось это в связи с резким усилением правительственной реакции после выстрела Каракозова[1]. В апреле 1866 г. министром народного просвещения был назначен один из столпов реакции, граф Д. А. Толстой, сменивший на этом посту полулиберального министра А. В. Головнина. «Моё внимание,—писал Александр II в рескрипте, указывавшем, в каком направлении надлежит действовать новому министру, — уже обращено на воспитание юношества. Мною даны указания на то, чтобы оно было направлено в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал существующего порядка и чтобы в учебных заведениях всех ведомств не было допускаемо ни явное, ни тайное проведение тех разрушительных понятий,

---

[1] Дм. Каракозов, участник московского революционного кружка молодой интеллигенции, группировавшейся около Н. А. Ишутина. 4 апреля 1866 г. Дм. Каракозов покушался на Александра II. Это покушение царизмом было использовано для нового усиления репрессий против демократического движения.

которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа».

Немедленно по назначении на пост министра Толстой поставил на очередь пересмотр устава гимназий. В результате был выработан новый устав (утвержден в 1871 г.), оставивший только классические гимназии, срок обучения в которых увеличился до восьми лет; реальные гимназии упразднялись. Основной задачей гимназического образования признавалось не усвоение реальных знаний, а «дисциплина ума», поэтому главными предметами курса были признаны древние языки и математика, причём число учебных часов по древним языкам было увеличено на 50%. Было уменьшено число уроков истории и литературы; преподавание естествознания было совсем упразднено. Программы и методы преподавания строго регламентировались министерскими инструкциями. Для наблюдения за учениками в стенах школы и вне её был введён институт «классных наставников» и их помощников — надзирателей. Был разработан специальный кодекс наказаний.

Взамен упразднённых реальных гимназий были учреждены шестиклассные реальные училища. Целью их было дать образование, «приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний». Учащиеся реальных училищ должны были получать подготовку «к занятиям различными отраслями промышленности и торговли». Поэтому объем преподавания общеобразовательных предметов был очень сокращён за счёт расширения предметов узкотехнических. Доступ в университет реалистам был закрыт совершенно. Им затруднен был доступ и в техническую высшую школу. Реальные училища были предназначены для детей буржуазии, для которых высшее образование считалось «излишней роскошью»; высшее образование, по словам апологета толстовской школы М. Н. Каткова, «есть потребность высшего класса, руководящего судьбами своего народа и создающего его будущее», т. е. дворянства. Таким образом, в замаскированном виде воскрешался сословный принцип, лежавший в основе школы николаевского царствования.

Для усиления непосредственного влияния и контроля со стороны министерства в начальной школе в 1869 г. была учреждена должность инспектора народных училищ. Согласно новому «Положению о начальных народных училищах», 1874 г., реформированы были училищные советы: круг их деятельности был ограничен хозяйственными и административными вопросами, руководство же всей учебной частью было предоставлено органам министерства — дирек-

торам и инспекторам народных училищ; «общее наблюдение за ходом и направлением первоначального обучения» было возложено на губернатора. Председательство в училищных советах было передано губернским и уездным предводителям дворянства. «Я призываю, — писал Александр в рескрипте Толстому, — верное моё дворянство стать на страже народной школы. Да поможет оно правительству бдительным наблюдением на месте к ограждению оной от тлетворных и пагубных влияний».

Д. А. Толстой намеревался подвергнуть пересмотру и университетский устав 1863 г., но успел провести лишь некоторые мероприятия по усилению надзора за студентами. Переработка университетского устава, имевшая целью ограничить университетскую автономию, затянулась: только в феврале 1880 г. проект нового устава был внесён в Государственный совет, но в апреле того же года Толстой был уволен в отставку, а преемник его Сабуров взял этот проект обратно.

В период буржуазных реформ было положено начало высшему женскому образованию в России. Университетским уставом женщины не допускались в университеты. Однако сильная тяга передовых русских женщин к высшему образованию привела к открытию по частной и общественной инициативе и на частные средства общеобразовательных курсов для женщин. Так, в 1869 г. в Москве были открыты публичные курсы для женщин по программе мужских классических гимназий (так называемые «Лубянские курсы»). В 1870 г. в Петербурге открылись «Публичные лекции для мужчин и женщин», имевшие характер университетского образования (так называемые «Владимирские курсы»). В том же году в Киеве возникли «Систематические публичные курсы по естественным наукам». В 1872 г. по инициативе проф. В. И. Герье в Москве были открыты «Высшие женские курсы», развернувшиеся в высшее учебное заведение по словесно-историческим наукам. Лубянские курсы также превратились постепенно в высшее учебное заведение с программой физико-математических факультетов. В 1876 г. открылись «Высшие женские курсы» в Казани, в 1878 г. такие курсы открылись в Киеве и в Петербурге. Особенно широко развернулась работа Петербургских курсов, получивших название «Бестужевских», по имени первого председателя педагогического совета проф. К. Н. Бестужева-Рюмина. Высшей женской школе в царской России пришлось выдержать упорную и длительную борьбу за своё существование.

Военная реформа. Крымская война и отмена крепостного права поставили вопрос о преобразовании армии. Главным руководителем этого преобразования стал военный министр Д. А. Милютин. Изменения коснулись управления и организации, вооружения, снабжения, обмундирования армии, военного обучения и системы военного образования и комплектования армии.

Перевооружение армии было начато сразу же по окончании Крымской войны, показавшей большую отсталость вооружения русской царской армии. На вооружение пехоты к 70-м годам была принята новая винтовка (берданка), безусловно превосходившая дореформенное стрелковое вооружение. В артиллерии был введён ряд усовершенствованных дальнобойных и скорострельных систем нарезных пушек. Было улучшено снабжение армии — увеличены нормы выдачи продуктов, упразднена бесконтрольность полковых командиров в расходовании хозяйственных сумм. Упрощено, облегчено и улучшено качество обмундирования войск.

С 1862 г. было проведено преобразование военного управления. Учреждены военные округа (первоначально 15), главным начальникам которых подчинялись и войска, и местные военные хозяйственные управления. В каждом округе был образован военно-окружной совет, с правом решения многих хозяйственных вопросов, зависевших ранее от военного министерства. Это вело к некоторой децентрализации управления, укреплению связи между войсками и хозяйственными органами и к ускорению делопроизводства.

Была значительно пересмотрена прежняя плац-парадная система обучения войск. Гораздо больше внимания стало уделяться обучению стрельбе. Вводился рассыпной строй. Всё обучение было приближено к условиям боевой обстановки. Режим в армии по сравнению с исключительно жестоким и бесчеловечным режимом дореформенной армии подвергся известному смягчению. Были поставлены задачи распространения грамотности среди солдат, развития в них воинской инициативы.

Опыт Крымской войны показал полную непригодность подготовки офицерских кадров царской армии и вызвал коренную перестройку военного образования. 14 мая 1863 г. были утверждены основные положения, на которых была построена новая военная школа. Для подготовки офицеров были учреждены специальные военные училища с двухлетним курсом обучения, рассчитанные на лиц, имеющих значительную общеобразовательную подготовку. Такую подго-

товку должны были давать так называемые «военные гимназии», построенные по типу реальных гимназий 1864 г., но с большим объёмом преподавания общеобразовательных предметов. Развившиеся под руководством либерального военного министра Д. А. Милютина военные гимназии выгодно отличались от изуродованных Толстым классических гимназий и реальных училищ как по своему учебному плану, так и по постановке преподавания. Это привлекало к ним лучшие педагогические силы и делало их центром прогрессивной педагогической мысли.

Военные преобразования завершились последней из буржуазных реформ Александра II—реформой воинской повинности. В основу её был положен принцип, применявшийся в буржуазных странах Европы: контингент армии, находящийся на действительной службе, в мирное время ограничивался минимумом (впрочем, достаточно значительным); солдаты, прошедшие известный срок обучения, увольнялись в запас, из которого призывались время от времени для учебного сбора. В военное время запас мобилизовался по мере надобности на действительную службу. Проект устава о воинской повинности получил утверждение 1 января 1874 г. По новому уставу прежние рекрутские наборы, распространявшиеся лишь на «податные сословия» — крестьян, мещан и ремесленников (дворяне прежде не подлежали рекрутской повинности совсем, а купцы уплачивали вместо неё особые денежные сборы), — заменены были всеобщей воинской повинностью, падавшей на всех лиц мужского пола, достигших 21 года, независимо от их сословной принадлежности. Денежный выкуп повинности и замена призываемого «охотником» не допускались. Контингент призыва определялся ежегодно, и поступление на службу решалось жребием; призывники, не попавшие по жребию на действительную службу, зачислялись в ополчение, которое созывалось «в чрезвычайных обстоятельствах военного времени». Срок службы в сухопутных войсках определялся в шесть лет действительной службы и в девять лет запаса, во флоте — в семь лет действительной службы и три года запаса. Для лиц, обладавших известным образовательным цензом, установлен был сокращённый срок действительной службы — от четырёх лет до шести месяцев, в зависимости от полученного образования. Установлены были также льготы по семейному положению: так, например, единственный сын в семье освобождался совсем от призыва и зачислялся сразу в ополчение. Лица допризывного возраста, обладавшие определённым образо-

вательным цензом, могли поступить на действительную службу «вольноопределяющимися» и отбывали воинскую повинность на льготных условиях.

Но и после реформы армия сохранила феодально-крепостнические черты. Хотя юридически каждый солдат мог дослужиться до офицерского чина, фактически командный состав пополнялся преимущественно из дворян; несмотря на отмену телесных наказаний (17 апреля 1863 г.) и запрещение «собственноручной» расправы начальства с солдатами, рукоприкладство в армии попрежнему широко применялось. Между привилегированным, носящим кастовый характер командным составом и бесправной, приниженной солдатской массой сохранилась попрежнему пропасть, отделявшая «барина» от «мужика».

Значение реформ 60-х годов. Реформы 60-х годов носили буржуазный характер: совершая эти реформы, правительство крепостников становилось на путь приспособления к потребностям капиталистического развития, пытаясь внести в самодержавно-крепостнический строй тогдашней России частичные поправки, вводившие в него элементы буржуазного государства. «Если, — писал Ленин, — бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861 года, — чтобы убедиться в правильности этого положения. Можно спорить о том, велик или мал, быстр или медленен был этот «шаг», но направление, в котором этот шаг последовал, так ясно и так выяснено всеми последующими событиями, что о нем едва ли может быть два мнения» (Соч., т. XV, стр. 96).

Действительно, реформы этой эпохи, при всей их половинчатости и незавершённости, значительно способствовали созданию более благоприятных условий для развития в России капитализма. Земские учреждения, хотя и дворянские по составу, провели ряд мероприятий по улучшению помещичьего и кулацкого хозяйства: устройство сельскохозяйственных складов и опытно-показательных станций, организация агрономической и ветеринарной помощи, развитие мелкого кредита и сельскохозяйственной кооперации и пр. Земству обязаны были многие губернии дорожным строительством и организацией почтовых сношений. Большую роль

сыграло земство в деле народного образования и здравоохранения. Вся почти сельская школа была создана земством, а отчасти также и средняя школа, особенно женская. Земством же почти целиком была организована медицинская помощь в деревне, а отчасти и в городе. Приблизительно такое же значение имела во многих местах и деятельность городского самоуправления, особенно в более или менее значительных центрах. Имела значение и судебная реформа: при всех её отступлениях от буржуазных принципов она всё же создала такие судебные учреждения и такие порядки судопроизводства, которые ограничивали произвол (кроме дел политического характера и значения) и обеспечивали какой-то минимум «законности», необходимый для успехов капиталистического развития. Имели положительное значение и финансовые реформы — централизация государственного кредита, реорганизация государственного контроля и пр. Цензурная реформа предоставляла всё же, хотя и в крайне ограниченных пределах, некоторую возможность выражения независимой мысли. Реформа школы давала возможность приступить к распространению хотя бы элементарной грамотности среди народных масс и облегчала доступ к среднему и высшему образованию для буржуазии. Военная реформа дала возможность создать армию, в организационном и техническом отношениях гораздо более соответствующую потребностям капиталистического государства, и т. д.

Но революционная ситуация конца 50-х — начала 60-х годов, послужившая ближайшим толчком к реформам, не превратилась в революцию. При всей широте размаха и интенсивности крестьянского движения оно было слишком разрозненно и неорганизованно для того, чтобы крестьянство оказалось в состоянии свергнуть власть помещиков-крепостников. Политическая несознательность крестьянства способствовала тому, что крестьянское движение носило преимущественно пассивный характер, лишь в отдельных случаях выливаясь в более активные формы, да и то большей частью лишь в ответ на жестокие репрессии со стороны органов власти. «...Века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием», — писал Ленин (Соч., т. XV, стр. 143).

Наконец, очень важное значение имело то обстоятельство, что крестьянство было изолировано в этой борьбе, что у него не оказалось руководителя движения: промышлен-

ный пролетариат только ещё зарождался в эту эпоху. «Отдельные крестьянские восстания, — говорил товарищ Сталин, — даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели». (Беседа с немецким писателем Э. Людвигом, Политиздат, 1938, стр. 8—9).

Этим соотношением сил в «эпоху реформ» и объясняется половинчатость, незавершённость всех реформ этой эпохи, наличие в них многочисленных и очень существенных остатков феодально-крепостнического строя. «Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов, — писал Ленин, — оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве» (Соч., т. XV, стр. 142).

Цена 1 руб. 15 коп.